

«Из глубин земли Камчатки»

Фольклорно-этнографические экспедиции в Карагинский район

Сборник разработан в рамках программы
Камчатского центра народного творчества «Земля моих предков»
Автор программы – О.В.Мурашева, заслуженный работник культуры РФ,
директор КТБУ КЦНТ

Составитель М.Е.Беляева

Ответственный за выпуск Н.А.Воробьева

«Из глубин земли Камчатки»

Фольклорно-этнографические экспедиции в Карагинский район

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский центр народного творчества»

Нематериальное культурное наследие народов Камчатки

«Из глубин земли Камчатки»

Фольклорно-этнографические экспедиции в Карагинский район

Государственное учреждение
Камчатский Центр народного творчества
Инв. № 4760
Библиотека

Офисный Новгород
2015

УДК 39 (571.66) (08)

ББК 63.5 (2) Я 43

ИЗ2

Фольклорно-этнографические экспедиции в Карагинский район: этнографический сборник/Н.А. Воробьева, А.А.Гончарова, М.Е. Беляева, А.А.Сорокин, сост. М.Е. Беляева.

Этнографический сборник содержит научные, информационные, иллюстративные материалы, собранные во время фольклорно-этнографических экспедиций в Карагинский район. Сборник будет интересен работникам культуры, фольклористам и всем, кто интересуется творчеством коренных малочисленных народов Севера.

Фото В.В. Гуменюка, М.Е. Беляевой, Н.А. Воробьевой.

«Из глубин земли Камчатки»

1. Введение	5
2. ОБРЯДЫ, ПРАЗДНИКИ, РИТУАЛЫ	6
• Обряд береговых коряков «Холод» («Ололо»).	
Традиция и современность	7
• Обрядовый праздник «Первая рыба»	18
3. НАРОДНАЯ ПРОЗА	20
• Сказки, дошедшие до нас	20
4. СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА	35
• Вера в свою землю	35
5. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО	49
• Танцевальные традиции карагинских коряков	49

Известный камчатский поэт и писатель Георгий Германович Поротов в 1960-х годах, будучи сотрудником Камчатского центра народного творчества, посетил множество отдаленных поселков полуострова, scrupulously собирая разнообразный фольклорный и тематический материал, помогал сельским домам культуры методическими рекомендациями, проводил разнообразные мастер-классы. Его вклад в сохранение и популяризацию культуры коренных народов Камчатки неоспорим. Материалами Георгия Германовича сотрудники КЦНТ пользуются по сей день.

С 2009 года Камчатский центр народного творчества при поддержке Министерства культуры РФ возобновил фольклорно-этнографические экспедиции на север Камчатского края. Основная цель, как и прежде, заключается в том, чтобы сохранить удивительные фольклорные богатства коренных народов полуострова, уникальность традиций и обычаев предков, сберечь творческое наследие прошлых веков, а также посетить места ведения традиционной хозяйственной деятельности (оленоводство).

В 2009, 2010, 2014 годах творческо-научный десант Камчатского центра посетил села Карагинского района. За эти годы удалось собрать ценный материал: зафиксировать обрядовые праздники береговых (нымлане) и оленных (чавчуевны) коряков, записать информантов, провести творческие лаборатории, мастер-классы по национальной хореографии и декоративно-прикладному искусству, оказать методическую и консультационную помощь для работников культуры.

В ходе работы были записаны старейшины с. Тымлат, которые поведали о праздниках, быте и укладе жизни своих семей. Приятно отметить, что в этом селе сохранились традиционные праздники, уникальная одежда, родовые мелодии, песни, танцы. Все это старшее поколение старается передать молодежи.

В селах Оссора и Тымлат был записан

корякский обрядовый праздник «День первой рыбы». Сегодня этот праздник имеет статус «красного» и внесен в календарь праздников Камчатки.

Также сотрудникам центра удалось побывать на концерте, посвященному дню Корякского округа, и увидеть на сцене театрализованый корякский праздник «Холодо» в исполнении ансамблей «Маклагу», «Нулуу» и запечатлеть его.

В 2014 году выпала уникальная возможность посетить оленеводческое хозяйство Карагинского района. Дорога до места, где находится табун, была трудной: пришлось преодолеть 12 часов на снегаходах через замерзшую тундру и горные перевалы.

Но это того стоило, ведь сотрудникам центра удалось заснять обрядовый праздник оленных (чавчуевнов) коряков, провести творческие посиделки, записать информантов, а также своими глазами увидеть традиционную жизнь и хозяйственную деятельность людей, чей быт, мировоззрение и культура остались нетронутыми железной рукой цивилизации.

В ходе фольклорно-этнографических экспедиций в Карагинский район сотрудники Камчатского центра народного творчества собрали удивительный и уникальный материал о жизни, быте, традициях, песенном и устном творчестве жителей района. Сборник ценен еще и тем, что записи аутентичных материалов устного творчества сделаны на языке носителей традиционной культуры.

Цитата Г.Г. Поротова «Из глубин земли Камчатки» венчает цикл сборников о фольклорно-этнографических экспедициях в районы Камчатского края, первый из которых вы сейчас держите в руках. Надеемся, что он откроет вам много нового, интересного, а главное полезного из жизни коренных жителей полуострова.

Беглова М.Е., докторант отделения историко-педагогического культурного наследия КГПУ «Камчатский центр народного творчества»

Культура и образ жизни коренных народов Камчатского полуострова являются неотъемлемой частью нашего духовного наследия. Сохранение самобытности, этнической идентичности и поддержка традиционного образа жизни коренных народов — одна из задач нашего общества. Человечество должно беречь основы традиционной культуры и искусства народов Севера.

Народные традиции, обычаи, праздники и обряды привлекают внимание ученых, работников культуры, как средство установления живой связи времен, при которой происходит непосредственный процесс следования социального опыта предшествующих поколений, их нравственные ценности и идеалы. Это необходимо для восстановления форм, способов и приемов народной педагогики, нравственного и эстетического воспитания молодого поколения.

Сегодня, обрядовые праздники, проводимые по традиционным канонам, пользуются особой популярностью не только у жителей Камчатки, но и у гостей нашего полуострова. Молодежь, участвуя в этих мероприятиях, приобщается к традициям и культуре коренных народов. Все наши обряды, ритуалы, праздники связаны с окружающим нас миром, они учат нас, прежде всего, любить, беречь природу и те богатства, которые хранит наша земля. Ведь обряд несет в себе большой смысл, он выполняет самые важные функции — это соблюдение закономерных правил поведения внутри общества, во взаимоотношениях человека и природы, и сохранение духовного своеобразия народа, что на сегодняшний день остается актуальным.

Традиционные обряды, существующие ныне в форме массовых праздников, проходят практически во всех населенных пунктах края. В соответствии с Законом Камчатского края от 10.12.2009 № 361 «О праздниках и памятных датах Камчатского края», статус краевых получили тради-

ционные обрядовые праздники, такие как ительменский «Алхалалалай», корякский «Хололо», Эвэнский Новый год, День оленевода, День первой рыбы.

Во время фольклорно-этнографических экспедиций в Карагинский район, нами были зафиксированы обрядовые праздники «Хололо», «Первой рыбы», «Мги'ангт». Наши сотрудники побывали в селах Карагинского района: с.Осороа, с.Тымлат, Карага, в оленеводческом звене, находящемся около закрытого селения Рекинники. Нами были опрошены информанты, проживающие ранее в селах Рекинники, Анапка, Подкагерное ныне теперь закрытые и Ильпюрское. Также была предоставлена информация Корякским центром народного творчества.

В настоящее время в связи с уменьшением численности сельского населения, а мы имеем в виду старейшин, носителей традиционной культуры коренных малочисленных народов края, сокращается число участников обрядовых действий, а в некоторых поселениях сейчас просто некому проводить обрядовые действия.

Известные традиционные обряды хозяйственно-бытового цикла в том виде, в каком они бытовали раньше, сегодня уже не встречаются. Они трансформировались в массовые праздники, часто с сохранением основных звеньев.

Наша задача состояла в том, чтобы определить состояние обрядовых праздников в национальных селах: как было и что осталось на сегодняшний день.

Обряд береговых коряков «Хололо» («Ололо»).

Традиция и современность

А.А. Гончарова, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и журналистики КамГУ им.Витуса Беринга М.Е. Беглова, докторант отделения историко-педагогического культурного наследия КГПУ «Камчатский центр народного творчества»

Интерес коренных народов Камчатки к своему национальным обрядам и обрядовой практике в конце XX в. заметно усилился. Среди причин назовем следующие: осмысление человеком своего места в меняющемся мире, боязнь полного забвения своих корней, своей культуры, исчезновения из истории памяти человечества.

Материалом данной статьи послужили записи корякского обряда «Хололо», сделанные в период рубежа XIX — XX вв. по настоящее время (2012г.). XX век представлен следующими периодами: 20-е, 50-е, 90-е годы. XXI век — 2010, 2011, 2012гг. Место записи — с.Карага и населенные пункты Карагинского района, а также с.Лесная Тигильского района.

Нами предпринята попытка рассмотрения имеющегося обрядового материала сквозь призму таких явлений культуры, как устойчивость и изменчивость. Сравнивая запись разных лет, мы выявляем в их структуре повторяющиеся устойчивые акты, стереотипно, и формы изменения, которые мы толкуем как вариативность.

Термины стереотипия и вариативность употребляются в статье в общепринятом научном значении. Следует уточнить лишь то, что «Жесткая охватывающая все сферы жизни система стереотипов, которая отличала общество в прошлом, не означала стагнация культуры, то есть абсолютного

сходства воспроизводившихся социальных институтов, вещей, обрядов, фольклорных текстов, мелодий и т.д.» [1]. Стереотипно оформляется в процессе сложения традиции, и без вариативности она существовать не может.

Обряды — самая стереотипизированная часть народной культуры, однако и при их совершении наблюдаются отдельные изменения, которые можно объяснить причинами локального характера, что подтверждается нашим материалом. Хотя и в пределах одной локальной традиции есть примеры варьирования.

«Хололо», вариант названия — «Ололо» — это промысловый обряд комплексного характера, включающий различные ритуальные действия, одни из которых оказались особенно устойчивыми, другие подверглись некоторым изменениям или полному выпадению из его структуры.

Вариативность в названии обряда объясняется чисто фонетическими причинами. Так, в с.Карага в процессе обряда раздается возглас «Хололо», а в с.Лесная «Ололо». По типу речи — это междомтия, а они, как известно, не имеют лексического значения. Произносятся возгласы в особо значимые моменты и выполняют функцию магического слова.

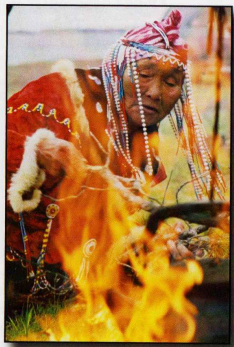
Первое описание подобного промыслового праздника принадлежит В.И. Иохельсону, который в октябре 1900 года присутствовал на празднике «белого кита» в поселке Кузи Пенжинского района [4, с.78]. Его наблюдения учитываются нами, так как представленный им обряд в основных его звеньях остается и в последующих записях. Это подтверждается и выводами ученых относительно постоянной формы, а также функций обрядовых действий в течение длительного времени. Так, например, Э.Б. Тайлор, выдающийся этнограф и историк

XIX века, писал: «Вместе с тем некоторые религиозные обряды отличаются удивительным постоянством, сохраняя в сущности, ту же форму и значение в течение длительных периодов времени, выходящих далеко за пределы истории» [9, с.418]. В то же время им отмечена и способность «к изменению под воздействием новых умственных и нравственных условий среды того, что тщательно и даже рабски воспроизводилось» [там же].

Находящиеся в нашем распоряжении записи охватывают период чуть больше 100 лет (1900 - 2012), но за это время произошли кардинальные изменения в бытовой и хозяйственной жизни коряков. В работах И.С. Гурвича, историка и этнографа, приводится общепринятая периодизация по истории социалистического строительства на Крайнем Севере, она касается и Камчатки [2]. Так, «период 1924 – 1929гг. – советизация, укрепление промыслового хозяйства...», а с 1956 г. – ускоренная индустриализация Севера, техническая реконструкция промыслового хозяйства, глубокое переустройство быта, обширный культурный подъем» [2, с.17-18]. Эти перемены, разумеется, были и не обязательно оценивать их только отрицательно, как это нередко имеет место сегодня. Изменения в бытовой и хозяйственной жизни народа влияют на его культуру, но процессы эти весьма длительны, если не принимать желаемое за действительное.

В.Н. Малокович, изучая обряды коряков, пишет, что «народные праздники, испытывая на себе непосредственное влияние советских и интернациональных, частично слились с последними и очистились от всего ритуального» [6, с.29]. Он приводит перечень праздников и начинает не с советских, а с «Хололо». Далее идут «Кильвей», праздники «Каюю», «Байдарь», «Оленьих голов». Перечислены и все известные советские праздники.

Свои записи автор сделал в 1966-1973гг. То, что новые праздники входили в быт всех народов, общеизвестно, однако в какой

мере происходили изменения в обрядах под их влиянием, вопрос этот не изучался. Публикации В.Н. Малоковича были в преддверии 50-летия СССР и в юбилейный год, поэтому вряд ли возможно было вести речь о действительном состоянии архаических обрядов.

Что же касается такого явления, как синтез разных культур, то подобное явление характерно не только для народов Севера и Камчатки, но и для других регионов. Так, например, в деревнях Горьковской области (сейчас Нижегородской) в 50-е, 60-е годы XX века праздновали «Октябрьскую» (7 ноября), устраивая «складчину», но не забывали великие христианские праздники, такие, как Рождество Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Благовещение, Пасху, Троицу, хотя в них немало оставалось языческого.

В.Н. Малоковичу принадлежит подробное описание Карагинского «Хололо», которое он наблюдал «от начала до конца в 6-ти домах» в ноябре и декабре 1969 года и представил его через «схему событий» [5, с.61].

Максимальное количество сакральных действий данного обряда зафиксировано и в записях И.В. Вдовина «В конце 20-х годов, – пишет ученый, – мне удалось быть свидетелем этого праздника ежегодно проводившегося в с.Карага. Личные наблюдения, дополнительные сведения и разъяснения, полученные от карагинцев, дают, хотя и не исчерпывающее, но все же достаточно полное представление об этом празднике» [3, с.39]. «Дополнительные сведения и разъяснения» о которых он пишет, составлены в 1957 году [там же], следовательно, записи В.Н. Малоковича сделаны лишь 10 лет спустя, в том же самом месте.

Опираясь на данные этих ученых и собственные наблюдения, нами составлена схема «Хололо» с указанием основных действий. Учтена их последовательность:

1. Приготовление ритуальных блюд;
2. Раздача гостям травы *лаутэн*;
3. Символическая борьба прибывших из леса мужчин, с хозяином дома;
4. Танцы под бубен, исполнение родовых песен;
5. Сжигание на огне чушек животных (жертвоприношение);
6. Перегатиwanie оленьих веток и затаскивание их в дом;
7. Погружение в воду и обливание водой «нери»;
8. Изготовление масок и вертушек (*Тэлытэлытэ*);
9. Раскачивание ремня (*Тэлытэлытэ*), не давая спать *таликамасу* – хозяйну вертушки;
10. Обрядовый акт «*Тэлытэлытэ*»;
11. Пробивание копьем шкуры животных;
12. Разбрасывание шишек и ягод гостям (акт плодородия);
13. Ритуальный танец с *калаками*;
14. Танец с женским охранителем *кэусын*;
15. Приход в дом *ул'яу* (пантомима *ул'яу*);
16. Посвящение в охотники (*хылымыгэткун*);
17. *Ророткок*;
18. Танцы вокруг березы;
19. Проводы атрибутов праздника.

Натягивание тэлытэлытэ

Маски руженных начала XX века

Теоретические работы и исследования аналитического характера, в которых бы обряд рассматривался в процессе бытования, с учетом его устойчивости и вариативности, нам не известны, но к нему неоднократно обращались и изучали в аспекте особых связей с мифом и символом [10]. Корякский обряд «Хололо» в указанном выше аспекте не изучался.

Назовем основные признаки обряда, как явления, освященного традицией: это строгая приуроченность к календарному времени, существенно и суточное время, стабильность обрядовых действий.

Участниками обряда являются все жители населенного пункта, важно и распределение ролей по возрастному и половому признаку. Обряд «Хололо» – хозяйственно-промысловый, поэтому в нем выделяются функции основных участников – мужчин-охотников. Этот обряд проводит каждая семья поочередно, но начинается он в доме, где была промысловая удача.

Существует «контроль традиций над механизмом воспроизведения текста или его структурирования» [1], с.71], что касается не только текста фольклорного, в данном случае словесного, но и «текста обряда», как стереотипного законченного целого, причем здесь, самое высокое качество «контроля». При сравнении структуры «Хололо», обряда, проводимого в разные годы, мы опираемся на важнейшие методологический принцип Д.К.Зеленина «о двух сторонах обряда – формы и функции» [3, с.6]. В статье известного ученого «Истолкование пережиточных религиозных обрядов» указывается, что «Более важным, более существенным и вместе с тем, более устойчивым элементом обряда на разных этапах его развития оказывается его функция. В истории обряда форма меняется, а функция при этом часто остается, хотя иногда и перетолковывается на новый лад. Правда бывает и так, что форма застывает, окаменеет, а функция выветривается, забывается. Но в последнем случае, мы имеем полное разложение обряда» [там же].

К форме обряда, на наш взгляд, можно отнести, особые содержательные единицы: «магию, магнику и жертвоприношения» [7, с.120], при сохранении которых остается сакральная функция обряда. Мы заметили, что в материале, с которым работали, эти структурные блоки зафиксированы, но их содержательная наполненность различна.

Маски ряженных начала XX века

Можно сказать, что она имеет тенденцию к сокращению.

Укажем, что время проведения «Хололо» в основном устойчиво, есть лишь некоторые изменения. В 20-е годы XX в. он начинался «с октябрьского новолуния» и заканчивался в начале декабря [3, с.39]. Далее произошли незначительные изменения, называемые, например, сентябрь – октябрь. Сократилась и его продолжительность.

Приуроченность «Хололо» к указанному времени, даже когда его показывают на сцене, связана с тем, что на морских животных охотятся до того, как замерзнет вода в бухте, реке, а после завершения сезона необходимо задобрить зверей, сделать им праздник. Так, жители Анапки, вспоминая, как его проводили в 50-е годы XX в., настойчиво повторяли, что если наступят сильные холода, то нерпы не смогут вернуться домой, т.к. море замерзнет. Во время «Хололо» нерпы вместе с гостями радуются и делают все, что и люди, танцуют с гостями, раскачивают ремеш [2]. Информанты утверждают, что если «красиво и весело их проводить домой», то другие нерпы приходят радостные в «гости». Она позовет своих «собратьев», когда будет следующий сезон охоты [2].

Наше сравнение записей обряда разных лет показало, что активное проведение «Хололо» именно как обряда в с.Карата и Карагинском районе закончилось, вероят-

но, в 1970-е годы [записи В.Н.Малоковича]. Хотя до настоящего времени в памяти жителей остались почти многие акты обряда, его содержательные части, о чем свидетельствуют записи. Лесновская традиция проведения «Ололо», как указывает А.Т. Уркачан, сохранилась до 90-х г. XX в. Так, например, она пишет: «Каждую осень (10-15 октября), как свет дальних звезд, как память сердца, приходит в село ритуальный семейный праздник «Ололо» [8, с.8].

Из наблюдений, сделанных в 2011 году, в том же с.Лесная, мы узнаем, что он еще сохранился в памяти жителей. Обряд был проведен в одном доме, поводом для этого стала удачная охота на горного барана хозяина этого дома, что свидетельствует об оставшейся устойчивой сакральной традиции. С опорой на традицию, но и в игровой, театрализованной форме он был представлен в детском саду. Его подготовили сами дети под руководством носителей традиционной культуры, старейшин с.Лесная. И еще раз он был показан в Доме культуры (для жителей всего села), тоже как театрализованное представление [1].

В с.Лесная «Ололо» всегда был посвящен не только морским животным, как в Карагинском районе, но и другим, в первую очередь медведям, горным баранам. Были в этом селе и свои особенности: только здесь охотником, которому сопутствовала в промысловом сезоне удача, вносил в дом «Дерево удачи», на которое позднее под звуки бубна и при исполнении танцев развешивались деревянные фигурки зверей.

Если рассматривать «Хололо» («Ололо») как сохранившийся обряд, то необходимо указать на диалогическую форму, присущую любому обряду, в нем есть тот, кто совершает действие и тот, на кого оно направлено или кому посвящено. Все эти действия носят магический характер. По представлению участников обряда, все их действия воздействуют, оказывают влияние на силы природы, животных, вызывая желаемое. Магия промыслового обряда «Хо-

лоло» продуцирующая, т.к. обеспечивает удачную охоту в будущем году.

К магическим действиям обряда отнесем «Талыгты» (с маленьким человечком *талыммакан*) – прерывание ремня с вертушкой, перетягивание ольховых веток, затаскивание их в дом, пробивание копейм шкуры медведя, шкуры нерпы (последние в дальнейшем оказались утраченными). Большую сакральную нагрузку несут песни и танцы, пантомима *ул'юу*.

Известный исследователь культуры падеозантов В.Г. Богораз, считает, что промысловые обряды связаны с мифом об умиротворяющем и воскрешающем зеве [1, с.34], и пляски носят магический характер, они направлены на воскрешение животных. Но наши материалы показывают, что животные, в данном случае нерпы, «присутствуют» на всех этапах праздника как живые, они веселятся вместе со всеми, едят, а чтобы им не было жарко, их обсыпают снегом, поят водой, т.к. они тоже хотят пить [2]. Однако магия, на наш взгляд, в танцах все же проявлялась. Так, например, во время жигания чувел нерпы (а это деревянные прутья, перевязанные травой «*артаны*»), женщины, мужчины танцуют, поворачиваются в направлении моря с возгласами «оа-а! хололо!», и таким образом они указывают нерпам дорогу домой. В композиции обрядового праздника «проводы домой» промыслового зверя – самая развернутая часть, несущая основную нагрузку обряда, она воспроизведена во всех наших записях.

На карагинском «Хололо» исполнялся особый танец «*Калак*» (добрый дух, охранитель очага). В основном его исполняли старики. На русском языке он звучит, как «неступленный танец» (пояснения А.Ф. Малокович). Мы не располагаем необходимым количеством записей, чтобы интерпретировать его, да и вообще, танцам и пляскам можно посвятить отдельную статью.

Неступленный танец, «*Калак*», который начинался в середине ночи, без сомнения,

был частью магии. Этот древнейший обрядовый танец записан в с. Карага В.Н. Малюковичем, со слов информантов сегодня подтверждается, что он был [1].

В промысловом обряде всегда есть различные формы очищения, которые тоже способствуют возвращению «гостей» (нерп, других зверей) в дом охотника, т.е. удачную охоту. Возможно, одной из функций танца «*Какас*», было изгнание злых духов (очищение от них), так же, как и в обряде ительменского праздника «Алхала-лалай», когда «женщины плясали, крича до изменения, а их потом отщепывал старик» [6, с.417].

На протяжении всего периода, о котором мы пишем, в «Хололо», «Ололо» остается в качестве священной травы – «*лаутэн*». Она включена во многие действия, которые, по представлению участников обряда, становятся магическими. Так, приходя в дом, дают пучок травы «*лаутэн*», ею связывают ольховые или березовые прутьки (нерпы), которых отправляют домой (бросают в огонь), ремень для перетягивания также перевязан этой травой.

Без такого явления, как мантика (гадание, прорицание) не обходится ни один обряд. Огромное количество гаданий, самых разнообразных по форме, иногда с повторяющимися функциями, зафиксировано в семейных и аграрных обрядах русских. «Систематизация гаданий», — пишет В.Я.Пропл, — очень трудна. Классификация по темам или по предметам себя не оправдывает, равно как и классификация по срокам или по районам» [8, с.126]. Нам представляется, что применительно к промысловым обрядам народов Камчатки, можно найти основу для классификации, т.к. в гаданиях чаще был задействован огонь, некоторые предметы и отдельные части убитого животного. В нашем случае укажем на гадание по огню, по вертушке («*Тэльэтэл*»), лопатке нерпы, толкуше, которые долго сохраняются не только в памяти, но и воспроизводятся в момент проведения обряда.

Обратимся к такой содержательной части обрядов, как жертвоприношение. В науке о жертвоприношении выделяются три теории: теория дара, теория чествования и теория лишения или отречения [9, с.466]. Жертвоприношение (дар) направлено на получение желаемого, следовательно, в нем в явном или скрытом виде присутствует обмен, как и полагается в языческом сознании: «Ты – мне, я – тебе». В обрядах коряков, как нам представляется, «дар» и «чествование» объединились.

Разные формы и проявления жертвоприношений пронизывают весь обряд «Хололо», но ярче всего они выступают в той части, которая посвящена «проводам животных». В ключе жертвоприношений можно рассмотреть приготовление и поедание ритуальной пищи. Именно с приготовления ритуальной пищи начинается обряд, это один из устойчивых его актов.

Упоминание пищи в мифологии и фольклоре народов Камчатки свидетельствует о ритуальном и неритуальном ее назначении. В обрядах даже сам способ приготовления пищи несет ритуальную нагрузку.

Основным блюдом на «Хололо» был *тыкляшка*, *кылька*, по-русски – толкуша, что указывает на особенность ее приготовления. Перечислим состав толкуши на празднике «Ололо» у лесновских коряков. Все, что потребуется для толкуши, заготавливается заранее. В состав толкуши входят: топлёный нерпичий жир, икра сушеная, клубни дикой картошки, сушеная мякоть иван-чая, ягода шикши [8, с.75].

Толкуша у каргинских коряков, кроме указанных продуктов, включает ядра шишек, бруснику, морозку, голубицу [2]. Все перечисленные компоненты – это природные богатства, которыми очень бережно пользовались аборигены с незапамятных времен, включение их в ритуальное блюдо может быть осмыслено как акт благодарения. Неоднократно отмечалось информантами, что все компоненты нужно топить очень долго и тщательно, чтобы толкуша

превратилась в однородную массу.

Так как еда – одна из форм жертвоприношения и закармливания в промысловых обрядах, то и сам процесс ее приготовления представляется нам единым магическим действием. Бабушка Амма сообщила, что «если неправильно готовить, то они весь год болеют, то есть, когда варят мясо нерпы, не пересушивать, от этого зависит их здоровье» [2].

«Толчение», размельчение, небольшое количество пищи, приносимой в жертву – свидетельство направленности на объект закармливания, в нашем случае – на морских животных. Там, куда возвращаются их «души» – гости «уходят домой», все наоборот: маленькое становится большим, большое маленьким. Подобное представление о «Верхнем мире», куда отправляются «гости», отражено и в таких предметах праздника, как надетье задом наперед малахаи мужчин, совершающих обряд жертвоприношения через домашний очаг (огонь).

Жертва нерпам состоит из тех продуктов, как видим здесь преобладает растительная пища, которых они не имеют, это именно «дар» от людей и одновременно их закармливание. Нерпичий (или ластхатый) жир, входящий в состав толкуши, — напоминание о цели этого обряда, так как толкуша готовится и для гостей – людей, совершающих обряд. По мнению информантов, все должно «хорошо поесть» тогда нерпы будут довольны «в следующий раз сами придойди нерпы, как будто говорят – меня убивай» [2].

Проследим по записям действия «с толкушей». Их довольно много в структуре обряда.

И.С.Влодин сообщает, что «Жертвенная пища ставилась на шкуру нерпы. Первыми бросали связки [пучки березовых прутьев, символизирующих зверей, – А.Г.] в огонь. При этом говорили: «На, верну находящийся, тебе, чтобы мы хорошо жили, не болели. Повернувшись лицом к морю, хозяева начинали жертвоприношение *Атьаве-*

лайтын, то есть, находящемуся в море, далеко от берега. На, покровитель охоты» [3, с.40]. Далее говорится, что «шкуру с жертвенной пищей поворачивали на 180° и продолжали приносить жертвоприношение еспе, Священным местам, через огонь, закармливая все существа, от которых зависело благополучие в жизни» [там же].

Об этом акте обряда так рассказывают жители с.Ананка¹ Каргинского района (воспоминания относятся к 50-м годам XX в.). Информант сообщает: «Делают из ольха, глаза делают. Из одной ветки начинают, разделяют, делают лапы, завязывают травой. Где голова, там делают рот и глаза. Кладут сверху тылкушки, ягоду и водой обливают чуть-чуть». Когда костер затухнет, женщины начинают танцевать в сторону тундры. Коряки считают, что таким образом нерпы не заблудятся, и им будет очень хорошо» [2].

Ритуал проводов нерпы домой объединяет указанные выше содержательные единицы обряда: жертвоприношение, магию и мантику. Все обрядовые действия, имеют магический характер, здесь, как мы видим, и магия слова, налицо и мантика: «Если костер хорошо горит, значит, хорошо проведут нерпу...» [2].

Ритуал проводов нерп (сжигание) проводят с особой тщательностью, так как считают, что нерпы тоже сильно хотят вернуться домой. Сжигание чулел нерпы проводит хозяйка дома, мужчины, женщины в это время начинают танцевать в направлении моря, восклицая «Оча-а! Хололо!». Запись велась на коряжском языке и переводчик (она и собиратель) поясняет: «что такие действия указывают направление в сторону моря, то есть, «домой» [2].

В с.Кинкиль² (недалеко от с.Лесная Тигильского района), где промысловый праздник посвящен не только нерпам, но и медведям, баранам, толкушей мазали всех «зверей» и клали на горшине угли. Слова,

¹ С 13 декабря 1974 года с.Ананка неexists
² С 7 февраля 1975 года с.Кинкиль неexists

произносимые при этом хозяйкой, несли магическую нагрузку, так как, они указывали правильный путь возвращающимся «из гостей» («домой») промысловым зверям. Собственно путь «Дерева удачи» был устан-длан «прутиками олхьи» (символизировали зверей). Нерпан веточки смазывали толкушей [8, с.35-40].

После окончания праздника все его атрибуты уносят в тундру, берут с собой толкушу, кормят ею *таликамак* (деревянных человечков – кукол) и едят сами. Гости должны взять часть толкуши с праздника домой [2].

Как видно, толкуша во всех локальных традициях, где проводится этот промысловый обряд, выступает в качестве жертвоприношения, а действия и слова участников этого ритуала являются формой проявления магии. Толкуша у коряков во многом ритуальное блюдо, но в настоящее время любимая праздничная еда.

Во всех записях подробно представлена структурная часть, весьма устойчивая, так как, на наш взгляд, она совмещает ритуальную и игровую. Отделившись от обряда «Хололо» («Ололо»), она выглядит, как веселая часть праздника, что встречается и в наши дни. Это «*Тэльэтэл*». В.Н.Малюкович дает следующее описание: «*Тэльэтэл*» выступившая из цельного куска древесины, состоя из двух лопастей и несколько напоминал пропеллер. В средней части «*Тэльэтэла*» просверливалось два отверстия, через которые продевались два конца лахтаньего ремня. Ремень закреплялся за столб землянки или юкюльника. Мужчины, сидя на земле, периодически тянули на себя ремешок, «пропеллер» вращался, ремень перетирался и через некоторое время рвался» [7, с.72].

Из сообщений информантов видно, что в этом действии разрывания ремня, участвуют мужчины, соревнуясь в силе. О ритуальном назначении «*Тэльэтэла*» свидетельствует то, что для ремня специально вырезались «маленькие человечки из ол-

хи», «*таликамаку*», их закрепляли на ремне, кормили толкушей, будили, так как они спят. Они отвечают за крепость ремня. Все желающие могут подойти и «нанкамылат» (раскачивают), петь свою песню, при этом пританцовывать. Произносятся слова, которые имеют магическую направленность: «Ну-ка маленькии человечки! Крепкий следай ремень! Хороший ремень следай, маленькийи человечки!». Информант Д.П.Уварова уточнила, что «Если хозяева не нарисуют глаза и рот *таликамаку* и не кормят его, то она будет слепой, и тогда ничего не происходит» [2].

«Ничего не происходит» означает, что не исполняется то, ради чего проводится «*Тэльэтэл*» с *таликамаком*, духом ремня. Нельзя узнать, как нерпы, добрались домой. Если ремень не разорвется, гости-участники не приближатся к ритуальному талисману, так как, разорванные кусочки ремня символизируют нерп, к тому же и сами нерпы вместе с гостями раскачивают ремень. Кусочки ремня гости берут себе для будущей удачной охоты (т.е. беруч нерп).

Когда обряд «Хололо» включался в хозяйственно-бытовой круг, в нем оставались такие древнейшие ритуалы, как «Приход *ул'зу*» и «Посвящение в охотники», впоследствии утраченные или потерявшие ритуальность. Так, В.Н.Малюкович пишет: «В настоящее время все магическое вокруг этого акта исчезло. Осталось, отфильзовалось только искусство. Никто не верит в силу «*ул'зу*», а маска из ритуальной превратилась в театральную» [6, с.176]. По воспоминаниям наших информантов (50-е годы XX в.) все же можно говорить о магическом назначении их действий: «Когда гости собирались на праздник, *ул'зу*, спрятавшись за дверь, уже поджидали их. В руке у него была миска с нерпичьим жиром. Гости одевали сами нарядные и красивые кулхьянки на праздник. Как только они заходили в дом, *ул'зу* измазывали их нерпичьим жиром и колотили их посохом» [2]. И «битье» и «мазанье нерпичьим жиром»

(эти действия известны в обрядах других народов) – во благо гостям, *ул'зу* в вывернутых наизуану кулхьянках представляют не этот мир, они распоряжаются над людьми, обладая тайным знанием. Сами же они маской, капшоном изменили свой человеческий лик, а ходьба с громким топанием («по кругу» – все это свидетельство их принадлежности к иному миру, поэтому одна из их функций – очистить дом от вредоносных духов *ниештов*.

Судя по нашим сведениям, ритуальный акт – приход в дом *ул'зу* на «Хололо» был только у карагинцев, в с.Лесная и ее округе (в частности, в с.Кинкиде) его не было.

Опираясь на записи разных периодов (XX – XXI в.в.), мы проследили, насколько устойчивой во времени оказалась содержательная форма обряда и его функция. Такая работа проводилась впервые и оказалась трудновыполнимой. Установить, когда произошла потеря магического в обряде, с которой священное переходит в профанное, точно не возможно, на наш взгляд, это длительный процесс. Не проясняют этой проблемы и ученые, которые занимались исследованием истории и культуры Камчатки. Так, И.В.Гурвич пишет: «В годы коллективизации этот праздник в Караге потерял обрядовое значение. Наши информанты рассказывали, что в это время перестали производиться сожжение изображений нерпы» [4, с.241]. Годы коллективизации на Камчатке – это 1929 - 1950 гг., несомненно, какой период имеет ввиду автор.

Проведение обрядов в период социалистического строительства не поощрялось, а иногда просто запрещалось. Как свидетельствуют наши материалы, в 50-е годы XX в. «Хололо» («Ололо») еще проводился как обряд с верой в магические действия его участников[2].

Интересно отметить, что в памяти старшего поколения до настоящего времени сохранились все обрядовые действия в той последовательности, как они когда-то проводились. Сама форма обряда «окаменела»

(термин Д.К.Зеленина), а сакральная функция перешла в игровую.

Сегодня нередко можно слышать, о необходимости «сохранения» и «возрождения» народных обрядов. Традиционные обряды ушли из естественного бытования и причина не только в том, что они изгоялись, «выдавлялись» из жизни абorigineнов. Обряды «создавались веками как механизм стабилизации традиции, компромисс между природой и культурой» [5, с.50-51]. В XXI в. подобный «механизм», основанный на мифологических воззрениях, вряд ли возможен, но они остались важнейшей частью национальной культуры, которую необходимо знать и ценить.

В начале 1990-х годов праздник «Хололо» был поставлен на сцене народным артистом РФ Иосифом Иннокентьевичем Жуковым как танцевально-хореографическая постановка в исполнении Корякского национального ансамбля танца «Мэнго». Сам Жуков И.И. уроженец с.Подкагерное, он прекрасно помнит этот обряд, все его действия. И в этой постановке воспроизведены те ритуальные действия, которые составляли содержание «Хололо»: приготовление ритуальных блюд, приход гостей и раздачу трав *лауэи*, жертвоприношение фигурок животных, танец у дерева, танцы, изображающие животных, пантомиму «*ул'зу*», «*тэльэтэл*», «*калхьяки*» (*калхьяк*), прививание козьим шкурам, обязательные танцы и исполнение родовых мелодий, посвящение в охотники, проводы атрибутов праздника. Все это было представлено «языком» танца. Без доскональных знаний функций обряда, символики действий участников невозможно поставить посредством хореографии обрядовый праздник на сцене.

Сегодня праздник «Хололо» вошел в перечень краевых праздников и у него установлена дата проведения – 4 ноября. Он проходит в национальных селах Корякского округа и в столице края – г.Петропавловске-Камчатском. Этот праздник проводят как особое увеселительное и познаватель-

ное мероприятие. Режиссеры-постановщики рассказывают об истории национально-го обряда, о его значении в жизни народа [1].

Именно так, на наш взгляд, можно «возрождать» и сохранять древнейшие обряды.

Библиографический список

Источники

1. Корякский обряд «Хололо». Записи и видеоматериалы. Собраны в с.Лесная, с.Тымлат и подготовлены Беляевой М.Е. 2010 – 2011гг. Архив КГБУ «Камчатский центр народного творчества».
2. Корякский обряд «Хололо». Записи и видеоматериалы. Собраны в с.Тымлат, п.Осера, пгт.Палана и подготовлены Голиковой С.С. 2012г. Архив КГБУ «Корякский окружной центр народного творчества».
3. Вловин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука.1973. – 294с.
4. Гурвич И.С. Корякские промысловые праздники //Сибирский этнографический вестник. Вып. IV. Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. – М., Издат-во Академии наук СССР, 1962. – С.238-257.
5. В.Н.Малюкович. Праздник карагинских коряков «Хололо» //Краеведческие записки. Вып.3. – Петропавловск-Камчатский.1971. – С.59-67.
6. В.Н.Малюкович. Советские и интернациональные праздники в коряком селе. // Краеведческие записки. Вып.IV. – Петропавловск-Камчатский.1973. – С.29-42.
7. В.Н.Малюкович. Корякские народные праздники. //Краеведческие записки. Вып. V. – Петропавловск-Камчатский.1974. – С.68-86.
8. Урканан А.Т. «Вземлэи» (Лесная) – земля моих предков (методическая помощь по сбору, сохранению и изучению традиционных обрядовых семейных праздников, обычаев, танцев). – Петропавловск-Камчатский.: «Камшат». 2002. – 89с.

Исследования

1. Богораз – Тан В.Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки// Сов.фольклор: сб.ст. и материалов. – М.; Л.: АН СССР, 1936. – № 4-5. – С.29-50.
2. Гурвич И.С. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР //Советская этнография. – 1970 № 1. – С.17-18.
3. Цитируем по книге: Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука. 1991. – 207с.
4. Jochelson W. The Koryak. Religion and Muts. Vol.VI. Pt. I. Leiden;New York, 1905. – P.78.
5. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору: учеб.пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 336с.
6. Крашенников С.П. Описание земли Камчатки. – М.; Л.: 1949. – С.413 – 427.
7. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур/ Е.С.Новик. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вост.лит. – 2004. – 304с.

8. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. – М.: «Лабиринт», 2004. – 176с.
9. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: - М.: Политиздат, 1989. – 573с.
10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ.: Исследования в области мифологического: Избр. – М.: 1995. – 624с.
11. Чистов К.В. Фольклорный текст. Традиция: Сб.ст/ К.В.Чистов. – М.: ОШ, – 2005. – 272с.

Обрядовый праздник «Первая рыба»

М.Е. Бесова, заведующая отделом сохранения историко-этнографического культурного наследия КТГУ
«Камчатский центр народного творчества»

День первой рыбы; на фото Голыков Савелий Васильевич, Рокова Лидия Ивановна, Аполонов Елена Кондратьевна

Еще в глубокой древности у людей сложилось много обычаев и обрядов поклонения духам, от которых зависит удача на охоте и рыбной ловле, спокойствие и благополучие семьи. Существование коренных народов Камчатки издавна зависело от богатства морей, рек, озер, лесов и тундры. И поэтому люди обожествляли природу.

Традиционная обрядовая культура коренных народов Камчатки, формировалась на основе длительного исторического опыта. Источником зарождения явились коллективные производственные обряды, направленные на привлечение удачи в промысле.

Одним из таких производственных обрядов является праздник «Первой рыбы». По словам нашего ученого И.С. Гурвича: «К промысловым обрядам должен быть отнесен и обряд заманивания рыбы в реки, или праздник первой рыбы. Этот магичес-

магический обряд, который в прошлом среди сложных промысловых религиозных церемоний оставался даже вне поля зрения наблюдателей, в последние десятилетия в связи с забвением и упрощением основных промысловых праздников, выступил на первый план» [1].

Начинался этот праздник, как только увеличалась первая рыба в реке. В разных уголках нашего края это может быть и в конце мая, в течение всего июня и даже в августе. Форма данного обряда у береговых и кочевых коряков отличается, а также в разных населенных пунктах есть свои особенности. Но смысл всегда один и тот же – магическим способом заманить рыбу в реки, чтобы обеспечить её добычу в течение летне-осеннего сезона.

В июне 2014 года наша фольклорно-этнографическая экспедиция побывала в Карагинском районе в п. Оссора и с. Тымлат.

Начинался сезон рыбалки и все ждали «хода» первой рыбы.

29 июня мы побывали на обряде заманивания первой рыбы и зафиксировали все это действие на видео и фотокамеру. Обряд проходил на реке Тымлат на рыбалке семьи Котавиной Людмилы Андреевны, руководителя детского национального ансамбля «Маклау». Обряд проводила старейшина с. Тымлат Уварова Дарья Павловна, 1930 года рождения, корячка-нымыланка (береговая). В обрядовых действиях участвовали дети, артисты ансамбля «Маклау».

Ребята очень внимательно следили за тем, как Дарья Павловна плела косичку из зеленой травы, которую они собрали на берегу, вплетая в нее голову и жабры первой пойманной рыбы, приговаривая: «Спасибо, что пришла. Слишком много рыбы пришло, что даже не можем ее собрать...» После того, как косичка была готова, участники обряда, танцуют и исполняя родовые мелодии, подошли к воде. Затем Уварова Д.П. бросила косичку в воду и потащила ее против течения воды.

Через два дня наша группа зафиксировала обряд заманивания «Первой рыбы» в с. Оссора. Все действие проходило на рыбалке Рокова Лидии Ивановны, 1931 года рождения, корячка-нымыланка. Вместе с Голыковым Савелием Васильевичем, 1933 года рождения, корячка-нымылан и Аполонов Еленой Кондратьевной, 1955 года рождения, корячка-нымыланка, они провели обряд на берегу реки Оссорка (или 1-я река).

Обряд проходил на берегу реки. Лидия Ивановна и Елена Кондратьевна собрали траву, уже появившуюся на берегах реки, и начали плести из травы косичку, вплетая туда голову рыбы. При этом приговаривали: «Ой, как много рыбы попало...»

Валентина Ивановна Никифорова из с.Карага рассказала нам о том, что раньше в их селе тоже проводили обряд «Первой рыбы». Пожилые женщины разделяли первую, пойманную рыбу, и скелет ее с головой и хвостом привязывали к веревке из

травы и тянули по воде, приговаривая, чтобы рыба заходила в реку, благодарили ее.

В декабре этого же года наша группа вновь побывала в Карагинском районе, но уже в оленоводческом звене около закрытого селения Рекинники. Один из оленоводов рассказал нам о том, что когда долго не было рыбы, то обряд делали со шкурой нерпы. К косичке из травы закрепляли нерпичью шкуру, бросали ее в воду и тащили против течения реки. При этом говорили, чтобы нерпа загнала рыбу в реку. Об этом обряде ему рассказывала мама. Сами они корячки-нымыланы из с. Рекинники.

Практически во всех селах этот обрядовый праздник не изменился. Везде плетут веревку из травы, в которую вплетают голову, жабры, икру, а в Карагинском районе плетут еще и веночек, об этом нам рассказала Унит Дарья Васильевна 1949 года рождения, куда вплетали еще и цветы ягоды княженики, чтобы рыба шла на приятный запах. И везде приговаривали: «Ой, как много рыбы! Много-много!» Хорошим знаком было, если веревку тянули беременные женщины (это по представлению коряков, способствовало хорошим родам). В селах работники культуры проводят эти праздники с соблавлением всех традиционных канонов.

Сегодня праздник «День первой рыбы» стал красивым и внесен в календарь праздников Камчатки. Официальная его дата – первое воскресенье июня. Проходит он во всех национальных селах, а также в столице полуострова Петропавловске-Камчатском.

Литература:

1. Гурвич И.С. Корякские промысловые праздники //Сибирский этнографический вестник. Вып. IV. Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. – М., Изд-во Ак.наук СССР, 1962. – С.238-257.

Сказки, дошедшие до нас

А.А. Сорокин, ведущий методист КИТЭУ «Камчатский центр народного творчества»

Уюкотьника; на фото Котавичина Людмила Андреевна и Маньсин Рома

Предлагаемый в данном разделе материал представляет собой тексты сказок, исполненных на алutorском языке с последующим их переводом на русский язык. Наиболее ценными и богатыми явились записи жителей села Тымлат, лишь небольшую часть из которых мы публикуем ниже.

Расшифровка подобных записей – трудоемкий и длительный процесс, не позволяющий в короткие сроки включить весь фольклорный материал, зафиксированный во время фольклорно-этнографической экспедиции в настоящее издание.

Следует отметить, что большинство информантов, проживающих в Тымлате, родом из села Рекинники, следовательно, приводимые ниже тексты относятся к рекинниковскому говору алutorского языка. Поскольку его относительно недавно (в 2000 году) выделили в качестве самостоятельного языка (долгое время считая одним из диалектов корякского языка),

для него до сих пор не существует официально утвержденного алфавита.

Для работы над данными текстами мы используем алфавит на основе русской графики, какой применим и к чавчуевскому диалекту, взятому в качестве литературного корякского языка. Однако, как показывает практика, некоторые правила орфографии, сложившиеся в корякском языке, довольно значительно искажают последующее произношение слов представителями (полу) оседлых коряков-нымылан или неправильное их написание.

В связи с этим, мы пользуемся сверхкратным гласным *э*, что позволяет гласному *ы* звучать соответственным образом (как русский *ы*), не совмещая эти два звука в одной графеме, как это наблюдается в корякском языке, и приближая тем самым алutorский язык к более фонетическому письму, например: *нымылг'ын* (кор.) : : *нэмьлг'ын* (алют.) «нымылан».

уялы (кор.) : : *уялэ* (алют.) «табун», *ылдыгыи* (кор.) : : *элдэгэн* (алют.) «отец». Поскольку гласный *ы* произносится обычным образом, так называемое правило «*ли, ти, ни*» в корякском языке упрощается для алutorского языка, например: *лилит* (кор.) : : *лылыт* (алют.) «рукавицы», *тишуца* (кор.) : : *тытыца* (алют.) «игла», *ныуеит* (кор.) : : *ныуеит* (алют.) «чёрт».

То, что касается обозначения на письме ларингальных фонем таких, как гортанная смывка *ʔ* и эпиглоттальный смывный ларингал *ʕ*, то в алutorском языке они обнаруживают смыслообразительное противопоставление, поэтому для передачи более «мягкого» варианта *ʔ* мы используем *ь* или *ь*, а для *ʕ* - *г'*, тогда как по правилам корякского языка для обозначения обоих перечисленных вариантов мы бы использовали лишь *г'*, например:

нымылг'а (кор.) : : *нэмьлг*(алют.) «хорошо», *тыуалыг'атык* (кор.) : : *тыуалатэж* (алют.) «летать», *выг'ык* (кор.) : : *выг'эк* (алют.) «умирать». Графемой *г* мы обозначаем веларный спирант *ɣ*.

Слова, выделенные курсивом, встречающиеся в корпусе текста, представляют собой слова на русском языке, которые были произнесены лично информантом во время повествования на алutorском языке. Поэтому они остаются без изменений в переводе на русский язык, несмотря на то, что это часто влечет за собой несогласование слов в падеже, числе или грамматическом роде в предложении. Возможные ошибки принадлежат автору.

Выражаем большую благодарность Аммику Марии Николаевне, преподавателю родного языка, за неоценнимую консультационную помощь в работе над текстами.

ТАКЪЯВНИНА ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

родилась 12 августа 1940 года в с. Подкагерное
корячка - нымьланка

Куткыняку и Миты собирают шишки

ТЕКСТ НА АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ

ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Эниэ г'уравача эңнин Миты и Куткыняку.
Куткыняву:

— Миты, пэча-би мэнунажалди эңни.

— В'а.

Тэлоу ав'в'авгэат гунажалэвэи, шишки
собрать эңнин. Тэлоу ав'в'авгэат гу-
нажалэвэи эңнин.

Вот однажды (жили) Миты и Куткыняку.
Куткыняку:

— Миты, пока давай пособираем шишки.

— Хорошо.

Туда ушли (вдвоем) собирать шишки, шиш-
ки собирать эти. Туда пошли шишки соби-
рать.

— Миты, гэттэ на этой бэрвумкэн, гэттэ
ээнну бэрвумкэн эңнин, а гэммэ в'ай гу-
тыңзал, на этого бэрвумкэн энки магу...
по отдельности манэвумэк гунагытки, и
гэмма ван гутыңзал.

— В'а.

И наҕам ат они договариватсаллатка эңнин.

— Бинаб мэтанвумэк никак, манэвумэк
г'айжавоткук эңнин. Гэттэ на этой сто-
роне, гэттэ в'ай, гэмма, гэмма гутыңзал
эңнин в'а. Мэнэвумэк г'айжавоткук, ты
вот «Миты-хэ!», гэттэ бивэлзивги «А-ха!».
А гананно гэмма тинавуи г'айжавэк «Букэ-
хэ!», гэмма тэтивэткэ «О-хо!».

Ага. Г'уравачо ам чининняс цон цволай ни-
как гунагыткик эңнин. Г'ик ивөгэат гамга
никауҕал гунагыткеллаткэт эңнин бэрвум-
кэк, гамга бэрвумкэк гунагыткеллаткэт.
Г'оро эңнин наҕам ат Куткыняву ивэткэ:

— Миты-хэ!

Пэча ван наҕам ат гунагыткеллаткэ эңнин
гырголядьэк этэпгалау наҕам ат гунагыт-
келлаткэ эңнин.

— А-ха!

Г'оро:
— Букэ-хэ!

— О-хо!

И так они собирают эти гунав'в'и эңнин.
Г'оро эта Миты би сивитгилдиви эңнин,
сивитгигэрээн эңнин. В'иньв'а тэкраты
эңнинак и кальяньвыгиуки ралдзивисэрин,
где мауки энну Куткыняву гунагыткэткэ
и ваньагиуки ив'тыльиуки эңнин гапитга-
лын, г'оро чивитгытэк. Г'ик г'оравача
эңнин:

— Митэ-хэ!

— Миты, ты на этой кустике кедрача, ты на
тех кустиках кедрача, а я вот на этой сторо-
не, на этого кустах кедрача там... по от-
дельности начнем искать шишки, и я вот на
этой стороне.

— Ладно.

И вот они договариваются прям.

— Когда начнем, начну звать тебя. Ты на
этой стороне, ты здесь, я, я на этой сто-
роне, хорошо. Начну звать, ты вот «Ми-
ты-хэ!», ты говори «А-ха!».
А ты меня начнешь звать «Букэ-хэ!», ска-
жу «О-хо!».

Ага. И вот потом сами там начали шишки
собрать. Так и начали вдвоем на разных
сторонах шишки собирать, на всех кустик-
ках кедрача шишки собирают.
Потом значит Куткыняку говорит:

— Миты-хэ!

Пока что прямо так шишки собирает она
сверху, прямо-таки шишки так собирает.

— А-ха!

Потом:
— Букэ-хэ!

— О-хо!

И так они собирают эти шишки. Потом
эта Миты (решила) подшутить, шаловли-
вая она.
Тайком спустилась туда и залезла, где Кут-
кыняку шишки собирает и туда вниз спря-
талась, потом подшутит.
И вот значит:

— Митэ-хэ!

Алла тынна.
– Митэ-хэ!
Алла тын.
Г'ик г'уравача нумал:
– Митэ-хэ!
– А-ха! А-ха!

Тынна ив'тэрал ипэтэты Буткынныку наҕам ат энүин лэямлясауэтаты. Наҕам гунав'в'и энтаҕ гамганау галылын. Пэтэты. Энүин пентыниин энүинак Митынак эя чечуаэта явэач ам энүин. И наҕам ат актыка нэчгичауавын гачичауэтаты. Г'ик тази бутты энүин Буткынныку:

– Тази гэм буи ив'талпэтэты энүинак?

– Иняныаэрта, инмаээ энгав'эт, гэттэ ив'талпэтэты энүин. Ыэги, гунав'в'и, ой-ой-ой, мэнэвуна *собирайтэ!*

– Миты, тук иняэ, мэрияталбимэк энүин малыэк мэнинмэк энүин. Кэмакки инан-мэйи гэнанна гэмма энүин.

И нура гунав'в'и насобиранав'в'и энүинак и райталбиво энүин. Тынга куйе энүин.

Ничего.
– Митэ-хэ!
Ничего.
И потом снова:
– Митэ-хэ!
– А-ха! А-ха!

Ох и вниз полетел и упал Куткынныку прямо. А шишки во все стороны разлетелись. Упал. Накинулась там Миты И прям никак Затем встал Куткынныку:

– Чего это я вниз упал?

– ты вниз упал. Посмотри, шишки-то, ой-ой-ой, давай начнем *собирайтэ!*

– Миты, хватит, пойдем домой, хватит уже. Прямо-таки напугала ты меня.

И быстренько шишки собрали и вернулись домой. Вот и все, конец.

Виг'айимтыльын – Девушка-травинка

ТЕКСТ НА АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ

ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ

Г'оравачо энүин. «Миты!» А-а, элэ... Буткынныкуау энүинак кэйе, *наверное*, мэнг'ай... мэнг'ай... гэллайтэмэк тэлэу, нотау энүин, тагэрнэуэнэу *поехали они тагэрнэу и на охотиться. И гамэччиданты гауавана Виг'айимтэлынты энүин. Кэйе мэнинкамэк энүин мэналээнмэк нотау энүинак, жанэк мэнуэвумэк охотиться энүин. Аса, тынго ялгэлэй тэлэк ниткэуэт Амамуэт и Виг'айимтэлээн. Тэлэ ав'в'авгэтэ, нутак уволат юнатэк энүин. Ой-ой-ой в'инькряуав', г'опта тын, аҕан таҕ гэрнэк Амамуэтэнэк нитрайтатэҕэн-вон, наҕам аҕан таҕ гэрнэк г'опта тын. Г'ик г'оравачо энүин аккапил энүин, никак кэмилалэй энүин, ага, аккапил найтогэн энүин, нутак. Микр, мику анна гатанэн-нэудын энүин. Г'оравачо энүин. Кэйе, Ыэги, наҕам а уарынын энүин никэуэт мамийэрээн энүин камак питратки, Ыэги амагкэн гэрнэк тэрэйтаты энина Буткынныку, ой, Амамуэтэнэк энүин. Амагкэн наҕам гэрнэк, ну, элэ'акруу, Ыэги г'опта тынна. Г'ик нам энүин нам аҕинатэувиин ниткэуэт Камэньгэуав – *ляушика* энүин. В'инь'а ралвиин энүин, и онно тэлэ некау тагэринэуэнэу гав'в'авлын энүин. Г'оравачо энүин Камэньгэуав гаралдывиын энүин и гаёбэлын энүин Виг'айимтэлээн гакиртэамыйдын энүинак, иви: «Гэмнан гэттэ мепэлэнав'в'и энүин.» Тынго энүин *ляушика* энүин итэйипий энинав'в'и ту энүин аккикольэн гаччильэн энүин. Аса, и энүу, она сама одела *ляушика* энүин, аҕинатэткэн. Г'опта бимэри тын, аҕан таулич-гэн гантэрайтатэн. Г'ик энүин Виг'айимтэлээн нитэбэй энүин и аккапил амын нитэбэй. Энүин энинно уноно *ляушика*, *маленький ляушика*пил энүин амын, энүин уноно энинэ *разделась* и энэк сам никайи йипнэи, тэйипанэн энүин. Г'ик г'оравачо энүин райты энүин, ниткэуэт, Амакут: – Токок, Виг'айимтэлээн, бэутуги!*

Алла тынна.

Однажды это «Миты!» А-а, мать... Куткынныку там, *наверное*, зовет... зовет... пойдем туда, в тундру это, охотиться *поехали они на охоту и на охотиться. И* ушли вдвоем с женой Виг'айимтыльын. Ну вот давай это, пойдем в тундру туда, там начнем *охотиться*.

Аса, и уехали туда, как их, Амакут и Виг'айимтыльын. Туда ушли вдвоем, в тундре стали жить. *Ой-ой-ой*, быков-производителей, хоть кого, прям всяких животных Амакут домой приносил, прямо хоть каких животных, всяких. Вот однажды сыночек

родился, ага, сыночек родился, в тундре. Как же, в честь кого

назвали его. Потом значит. Ох, смотри, прям все место весь ююльник этот завешен, смотри, всяких зверей

домой приносит Куткынныку, ой, Амакут. Хоть какие звери, ну самцов дикого оленя, смотри, прям всякие. А эта, как ее, грустила Камыньгыуав – *ляушика*. Тайком зашла домой, и он туда на охоту ушел.

Вот она, Камыньгыуав, зашла в дом и застала эту Виг'айимтыльын без комбинезона там, говорит: «Я твою одену эти.» Вот эта *ляушика* одела кулянку ее и голой оставила ее.

Аса, и она, она сама одела *ляушика*, завидуэт. Хоть чего, прям-все, всякую еду домой принес.

А эта Виг'айимтыльын спряталась, и сынок тоже спрятался. Этот ее ребенок *ляушика*, *маленький ляушиночек* ее тоже, этот ее ребенок *разделась* и он сам надел кулянку.

Вот потом вернулся домой

Амакут:

– Ну-ка, Виг'айимтыльын, выходи!

Ничего.

– Таги җа гэттә, Виг'аймтәльән, әни-
нак, таваткә гэттә артка итәткә, җи-
ня'аньәтәсэивги әниин!

В'а, Тәуә әниин г'оро Амамүт ралциви
әниин:

– Тауә гэттә әниин?

– Аюә гәммә тәтәг'алэвәк. – Навам дәмгән
гәләнн әниин иткәүт Камәнәгәүв
гамалдәгәләнн әниин әнки и уноно
аминна гәләмгәләнн, әниин рәлзәтәткә. –
И-и, навам актәкә җи гәммә минав'әнүәтәк
җи әниин.

– Ток, үтәу, гәммә гәминяноч ми-
ня'әнүәтәсэивн, пәчәкә, тәтәүвү *вари-*
*тагы*әтәк әниин.

Г'ик гапиткүльн никак инав'әнүәтәк
Амамүт әниинав. Этәв'әт ралкүтәңки
гауульн... мари тәг'аләткә әниин Виг'ай-
имтәльән. Әниин Виг'аймтәльән ралкү-
җиңки, маңки ана, никагиңки гапитзәлән
әниин, в'а. Г'ик г'оравачо әниин әткәнн
әниин ивүткәнн әнкәтә:

– Ақәкә, кытва аникака инә... гуттн
дәмгәлән аникака, аюә үнмәк тәтәг'аләткә
җи гәммә!

Г'ик г'оравачо әниин маңкәт чәма навам әт
тав'ятәткәнн, тав'ятәнүнн, чамайәрәнн
вүчигәңү тәләткәнн, *чтобы это ләг'у*әлән
не показывал әниин, аса, Камәнәгәүвн.

Әнтәү тәлә тиньга галаг'а... ника в'ань'ы-
ңки гарәл никагиңки гарәлзәлән
әниин, ника, в'ай, никагиңки гарәлзәлән.
Актәкә әтәткәткә, аккикәльв'и мәри
вакиртәв'әл Камәнәгәүв'әтәкәк әниин.
Навам әт тәңһичәүткәнн әниин
Камәнәгәүв әниинә, Амамүт ивөй чи-
нин натав'ятәткәнн. Ток, кәйе, явзәч ам
ав'ән, маңкәт тәнтәкәв'әт әниин тәг'әл-
дәүвин әнтәв'әт әниин. Әниин вариңгиңки
гарәлзәлән Виг'аймтәльәнты унонота.
Аса, вариңгиңки, никагиңки, улягиңки.
Г'оравачо әниин:

– Пәчәкә, мәриәталзәваттәт әниин үтәу
рарав әниин Вүткыннәүк. Үтәу мәриә-
талзәваттәт әниин. Җанәк рарак мәнәкә
мәновәт никак әнәүвәт тәңһичәүткә
әниин, в'а.

– Чего же ты,

Вигаймтальн, там, что делаешь, почему
не выходишь, раздевайся вот!

Хорошо. Туда уже потом Амамүт зашел
домой:

– Что с тобой такое?

– Ой, я болен. – Прямо кашпоном надела
Камыньгуяв, хорошо так кашпоном одела,
и ребенок тоже кашпоном одел, лежит.

– Ох, совсем никак я не могу раздеваться
это.

– Ну, тогда я сам разделаю, сейчас, начну
варить.

Закончил раздеваться Амамүт ей.

Теперь внутрь дома начал... потому что
болеет Виг'аймтальн. Эта Виг'ай-
имтальн внутри дома где-то под чем-то
спряталась.

Вот потом он подходит, начинает так:

– Ой-ой-ой, нельзя так делать... этот кашпо-
н не надо это, очень сильно болен я!
Ну вот потом он прям кормит,

кормит, тарелку в темное место кладет,
чтобы это лицо не показывало она, аса,

у Камыньгуяв. Вот так, как же это, в порку
зашла, куда-то там зашла она, вот,

зашла она куда-то. Никак, стыдно же, голые
потому что, сняла комбинезон Камынь-
гуяв эта. Прям готовит пишу для Камынь-
гуяв, Амамүт начал сам кормить. Ну
надо же, как она прям болеет эта.

Она в подол забрала Виг'аймтальн и
ребенок. Аса, в подол, или куда там. Потом
он:

– Ну вот, отвезу вас обоих домой тогда, до-
мой к нему, к Куткыннәү. Ладно, отвезу
вас обоих домой. Там дома, начну вас, на-
чнем вас лечить, ага.

И взял, поехал домой, парту-кибитку
большую, *кабина* ее прием колокольниками
обешена. Потом вернулись домой они.
Куткыннәү и Миты вышли вдвоем. И:

– Миты! Выходи, там вон пришли, веру-
лись *охотники*.

Вернулись домой.

Вот встретили, их огромный табун вернули
домой.

Тынго акминньн райталзиванә әниин җаят-
нәү әниин, *кабина* әниин, навам җузуҗа
җиянйиләтәкүльн. Г'ик г'оравачо райтәң
әниин Вүткыннәүкиты Митынты итүгәтәт
әниин. Ника:

– Митг'! Җәүтүти, уанә тәлә гәлайты райтә-
ләткы *охотники* вун. Райтәләткы әниин.

– Болео напәтәгәнн әниин вальвәльняң
нарайтәтгәән әниин. Г'опта җи тын пичә-
гәтәруән г'опта нарайтәтәң, җаләнапәй-
тәтәгәән. Г'ик г'оравачо әниин навам әт
тәрәннәү әниин Митытгал әниин.

– Тауә җа гэттә?

– Навам тәтәг'аләткә җи унонота нарамәк
әниин.

– В'а.

– Тәтәг'аләткә җи аүзәыкә үнмәк.

– В'а.

Ток, явзәч ам ав'ән әт тылгита нантын.

– Кытвә аюә'әтәләкә аңкәтә, аюә мәри ява-
вәҗ тауә'әтәләтәк, тәтәвин'ик. Уноно, –
амән әнкәт иви, – кытвә әниин аюә'әтәлә-
ка, амән тәг'аләткә, – Камәнәгәүв.

Г'ик г'оравачо тынга наватвалзәвәткә
тынмәгиңки жанәк напәртәләнн әниин,
аюә Митынак навам әт тәңһичәүткәнн,
тав'ятәтәкәнн, мәри вүчәгиңки кытвә
әтгәңнүвәл инаттылака, әнки вүчәгиңки
тәтәв'ятәткәк әниин. Г'ик г'оравачо:

– Ту, явзә үтәу җун, пәчә инәҗ җәләтәк *охот-*
иться җи әниин тәг'аләмчә әниин.

Тынго игуамы Амамүт әниин, Камәнә-
гәүв тәрайтн. Ту җангаҗ тәлангы ам
рагиңки аллә тынна, *шуркәт*'ульпиль
тынна итәкән нарәтәкән, аллә тынна,
навам аккикәльв'и. Ам рагиңки напә-
лзәләннав'и гәккәта әниин. Әниин гәк-
кака әниин әтәв'әт виг'айна, в'әтв'әтына
никашина кимитыв'и гәтәйкәлзәлән. И

игәңнүнмәтә кимитыв' гәтәйкәлзәлән
әниин. Җүтәү, маңки гинав'әнүәтәлзәлән,
уанәк найчигкынав'и, әтты в'ай муль-
дипил найчигкынав'и наувүткына,
маңки мульдичаригәру җангаҗ нав'әгәль-
күткынав'и, мәри-җ жанәк ам нутақ на-
пәләт... әниин Камәнәгәүв'әтыңы навам
райтаты. Җальвәльняң нарайтәтгәән

Все, хоть чего, всю пишу тоже вернули до-
мой, табун вернули домой. Вот она прям
заглянула

Миты эта.

– Что с тобой?

– Да вот, болен я, ребенок болеет.

– А-а.

– Болею очень сильно.

– А-а.

И прямо на руки встал.

– Нельзя открывать кашпоном так, потому
что, если открыть кашпоном, тут же умру.

Ребенку, - тоже так же говорит, - нельзя
ему открывать кашпоном, тоже болеет, - Ка-
мыньгуяв.

Ну вот, что же, заносят к изголовью, вглубь
туда положили ее,

Миты

прямо готовит пишу, кормит, потому что в
темноте, нельзя, на их стороне оставляет,
там в темноте кормит она. Ну вот:

– Что ж, тогда хватит, перестань
охотиться, пока она болеет.

Вот успокоила Амамүт этот, Камынь-
гуяв домой вернул. А там пришла в пу-
стой дом, ничего нет, кусочки *шуркәт*
все забрали домой, совсем ничего, прямо го-
лые. В пустом доме оставили с сыном их.

Она с сыном вот из травы, из листиков
одежду сделала. И себе одежду сделала

они. Тогда, где раздевались, там

собирали, они вот
капельки крови собирать начали, две пят-
нышки крови, там скребили, поскольку
там в тундре оставили... а эту Камынь-
гуяв привез домой.

Большой табун домой вернули к *родите-*
лям. Их оставили

с сыном там, травной домик
сделала она, ну из травы, травяной сделала
домик и травяные комбинезоны сделала
она. Аса, и хоть чего тоже, шапку травную,
листки эти. Вот одел комбинезон он, ну и
вот он поэтому туда вышел этот, уже боль-
шой ребенок стал, туда отправился он.

Этой, как это, согнул маленький лук
этой, так загнул.

*roduteit*гытк. Эншин ам этылангы гакката энки, виң'арарашил гатэйкэлын эншин, ну в'этэгтээн, в'этв'этына гатэйкэлывландин рарашил, ту в'этв'этына киркиру гатэйкэлывлана эншин. *Ага*, и г'онта би тын паукан в'этв'этына, листики эншин. Тыngo кирэйкэлыны эншин, г'ик г'оравачо эншин чачач эншин тэло утолзиви эншин, ав'эн ававаныу кайкинмиэон гапталын, тэлоу утолзиви эншин. Эншин никак тэкажарынын уммилыгээрпийл никак в'ын игэннин ган-каваланы. Тэлоу эншин иви:

— Пачачо, *мамаши* гэмат тына пэчизаты тэбанмыгэсэн, мэгьав'иймэк эншин. — гэтэвалткэт.

Адан табу найчичтына в'ви, нануткына в'ви. Г'ик г'оравач тэло утолзиви эншин кайкинмиэопиль, *a on* уже амероканыу эншин нэылы. Бора пэчизил тэрай-танын, эншин тыngo *сварилан*, ав'ингэтэ никакта эншин тэтынкулыава. Тыngo ав'ингээн, ивогэчат ав'ийк:

— Кытво ат жанэубал *на этой стороне*, мэри эншин жанэубал *дедушка* эншин, *родители* жанэубал иллткэт, кытво ат жанэубал уммилыгээр аниулака гапталын, *аса*. Ам гутыубал, гутыубал амкака табу тэвал... *пачизав* в'ви, адан кун табу в'ви эншин.

— В'а.
Тэло эншин, тыngo алло авалумка итгы, г'ив в'эрэа эншин. Ивныак мэри кытва жанэубал аныкака пав'чинэтэчкэн. Тэлоу уммилыгээр никанын жанок пытыты жанэубал эншин *Буткыныяву* в'ви иллткэт. Тэлоубал эншин уммилыгээр мильныкулат, маэман пытыты эншин надам ника *палатка*... этэк *палатка*тэубал. Тэлоу маукат эншин кайкинмиэон маукэт эрэгкуйи, тэло ав'в'ави надам ат. Г'оро логу'нын эншин нэмийрэопиль жанок, и жанок маэман гапытыдалын пыринак эншин. И никагырки гаптыдалын эншин, улягырки гаптыдалын эншин, иняс нэпав'чинин эншин. Надам ат, *ой-ой-ой*, надам ат *Буткыныяву*, Амамуту надам ат энки тапичгэуладтык, г'онта би тына, нопатэчкэн. Г'оравачо эншин:

— Кэйе, пэча, — Амамут. — Кэйе, пэча, ма-

Туда он, говорит:

— Пока что посмотрю, *маме* две птицы добуду, покушаем их. — голодают.

Нуж того чего насобирают, то и кушают. Ну вот туда вышел сынок, *a on* уже большим стал. Сюда птичку принес комод, сразу *сварили*, кушают вдвоем, подожарили. Вот кушают вдвоем, начинают вдвоем есть и:

— Нельзя туда, *на этой стороне*, потому что на той стороне *дедушка*, *родители* там находятся, нельзя на ту сторону из лука стрелять, *ага*. Только на этой стороне, здесь много, как их, летающих... *птиц*, хоть кого. — Хорошо.

Туда он, ох и непослушный был, специально он.

Говорили же, потому что нельзя в ту сторону, любопытничает. Туда лук, туда ушла на ту сторону, (где) эти Куткыныяку находилась. В ту сторону лук выстрелил, стрела упала прямо к ним, *палатке*... к их *палатке*.

Туда, куда он сын, куда выстрелил, туда ушел прям.

Потом увидел он маленькое поселение там, и там стрела упала. И куда же спрятались он, под дрова спрятались он, больно любопытный он. Ох и, *ой-ой-ой*, Куткыныяку, Амамут прямо там еду готовят, хоть чего варят. Поэтому это:

— Ох и, — Амамут. — Пока вот, начну гулять. — отцу Амамут этот.

Амамут этот отцу говорит:

— Ну вот пока, я пойду гулять туда.
И куда спрятались эншин *на* травяная эта самая, и там спрятались он. Вышел этот отец он же его *отец*. Вышел, туда пошел, куда илдет, смотрит этот, ажд до темноты там сидел.

А в'аймтылыны (переживает), потерял сынок ее. Потом пришел домой, как же его, Амамут этот.

— Ну вот, мое, с чего же это мое, у *меня* сердце болит? Мой ребенок, наверно, болен, они ему больно делают, а Камынь

никак эншинак, маэвок лейваткуки эншин. — эллэгэ Амамутэнау эншин. Амамут буи эншин эллэгэу иви:

— Кэйе, пэча гаммо маэвайевэткук тэлу. И маукэт пйтэчкиви, у *них* то виң'айина никак в'ви и жанок пйтэчкати эншин. Итоткэн эншин эллэгэн ялыо энын *отец*. Итоткэ эншинак тэло бэтэчкэн, маукэт бэтэчкэн, дэляпэткэту эншин, кэтаван вуч-кэвинэватэчкэн энке вачата. Тыngo Виң'аймтэлынак тэтэмэвнын унонопиль эншин. Г'ик г'оравачо явачо райгэйи эншин нитка Амамут эншин.

— Кэйе, яэбач ам ав'эн ат гэмнын, тэбэткэ *ва* у *меня* гэмнын лыпдлу тэг'аллэткэ? Эншин уноно гэмат тэг'аллэу в'ви этгынан нанг'эгаллаваткына, Камэньгэуав'эт гутку нав'инпэтэна.

Эншин гаптыгэлыныпиль эншин кайкинмиэопиль никагырки дэляпэткэтка, накам ат *яйпу* в'ви нанвирчуткэна, ралькугырки *яйпэныричुकычлэтка*, амэн *олены копыта*, ну *кости* г'отго тынна энки нануиллэткэна энки тапуныэуяг гатэйбэли. Энке надам пйткэлытэткэн, г'ик г'оравачо явачо вучкэвинажи эншин г'отго ийдыбэлыды... г'отпэду. Г'ик эншин энгав'эт никэдут в'этв'этына *мешок*пылыау эншин, энин элала гатэйкэлын эншин. Жанок г'этг'эму в'ви би надам ийдыбэлыдынын мичгэтэнэк вит'этг'эмпылыау *йичичкэнав* в'ви г'отго *собралын* и тэрайгэлыванэ аллау эншин. Тыгланын эншин надам:

— Маукай кури эншин?!
— Жанок нэмийрэон тэбэгэсэн эншинак би надам, *яйпэника*, *яйпэныричुकычлэткэ* би эн, *аж* тэрют — чынын унонопиль эншин дыги ниван эншин *родители*. Г'ик г'оравачо эншин, би нив'лажин тыттал, г'ик г'оравачо:

— Ток, ав'эно тытава ажин буи, яэбач ам би, уча, явача уча монкисятэк, — Амамут. — пэча би явра мэнкисятэк гутку эншин васыятэк, тылдыкэгэррэтэдик.
— вычальэтэчкэн эншин, гаптыдалын Амамут.

гыжав живет с ними.
Он спрятался
ребеночек где-то там, подсматривает, ян-мо копыта на костре жарят, в доме копыта жарят на костре, ну *олены копыта*, ну *кости*, хоть чего там набросали так, что целую гору сделали. Там прям прячется, вот потом стемнело, все уснули... все. И он потом из листиков *мешочек* этот, его мама сделала этот. Туда косточки, все снят у костра косточки собирает, все *собрали* и домой вернулся к маме. Бросил его прям: — Откуда пришел!
— Там семью небольшую застал там, они прям копыта на костре жарят, *аж* всплакута — собственный ребеночек не знал, что это его *родители*. Ну вот потом, он и длинная очень, ну вот: — Ну, все же, лучше все-таки вечером, проведу-ка я ночь, — Амамут. — пока потом ночь проведу здесь, сидя, у входа. стоит он, спрятался Амамут.
Ребеночек прямо туда пошел туда и стал прямо собиравать. Домой унес, косточки домой принес маме прям, вот и варят, *бульон* *кушают*, *тэт* он, бедняжка. Прямо ушел он, сыночек, поздно вечером, ночь наступила, пришел он. Прям начал прятаться этот, он Амамут прятаться начал, говорит:
— Ну вот, пока, как же это, поохочусь, кто же это все навальдывает. — его ребенок оказывается это.
Вот уснули там, хоть чего, кости у костра разбросаны. Потом он говорит, шумит, к костру пошел и начал там кости собирать, косточки эти, из травы *мешок* сделал. Амамут смотрит,

УВАРОВА ДАРЬЯ ПАВЛОВНА (АММА)

родилась 07 ноября 1930 года в месте Тыгулзюк (выше с.Рекинника)
корячка - нымыланка

Песни из разных сказок

ТЕКСТ НА АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ

ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Сисисьэн аҕаатка ҕонпо, Ньувитэнпэуав
танууыткэн, а Ньувитэнпэуав ҕанэж тап-
тэууыткэ ив'этьэьэҕэ. Сисисьэн ҕонпо
аҕаатат:

— Өя-а тагитан ҕора гэмэк ятэткон Айырь-
вун.

Это г'этьвэлэн, г'этьвэлэн, ага. Айырь-
ув'в'и буи.

— Өя-а тагитан ҕора гэмэк ятэткон Айырь-
эна. Өэ-о Ньувитэнпэуав гэмэк мирта-
нанцэпэу таянькаҕеҕэвэтон.

Сисисьэн поет все время, Ньувитынпыав
хочет съесть, а Ньувитынпыав там хочет
спрятаться, дрожит. Сисисьэн все время
поет:

— Вот бы посмотрел, как сюда ко мне идет
Айырьын.

Это лодочник, лодочник, ага. Айырь-
ув'в'и.

— Вот бы посмотрел, как сюда ко мне идет
Айырьын. Как и раньше Ньувитынпыав
по моим внутренностям прогуляешься.

Ника энин Ньувитэнпэуав аҕааталзи
амэҕа:

— Сисисьэн яв, — иви. — Сисисьэлэн, Сиси-
сьэлэуона иҕаюу тына тоҕоуыа.

Сисисьэлэн:

— Таҕин таоҕэҕина иҕэлэвина. Өя
Ньувитэнпэуавона гэмэк миртананцэпэу
таянькаҕеҕэвэткон.

Ауэ, наҕам ат питҕаыткэ, амэн тыта
эдин ҕив'в'эьытэн тэтэ... панкатупилэуэ
тэҕ'илуэлэн Ньувитэнпэуавин. Энин
буи Ньувитын, нитка Сисисьэлэн унма-
сотаҕин тумгэтум тануткэнын.

Ту энин Икляв'эт ника, ой-ой-ой, г'у-
ляв'в'и энки ҕонпо тауу подарки напирит-
кэна. Амамуут ҕэууытаа, нитка, митта ҕи
ана ҕанын тэнтэвэҕэтон нурау, г'опта по-
дарки Икляв'этэнак сирэму дуэткэнина и
натайэлэуэткына, пилгэн мэри ҕаваҕ маҕин
гему дуэткэнин, ҕанын нитаткэ пилгэн
в'ауҕаратэткэ. Икляв'эт наувткэ ийлык-
ки:

— Гэмэкэу тауэлкэл, пилгэн свиуатэткэн.
То энин васиннаҕ г'улята мига ҕа, Ка-
ёйлыкэтэнак энтав'эт тэлэткэнин энэкэу
г'илуэн:

— В'аё, Икляв'эт, гэнэкэу наҕаматаҕэткэ-
нигэт Икля. — Икляв'эт мэри нэв'аувиин.

— В'аё, Икляв'эуэт, гэнэкэу.

— Гэмэкэу тауэлкэл, аҕо пилгэн-
свиуатэткэн.

Нитка этав'эт галалын, нитка, митта,
Амамуут, мэри энинэк нэкаатг'эуавин.
Ғэсин энин ника утту'в'и ҕэралгэ
в'ин ҕиталлаткэт, в'эсэрраллаткэт. Ника
Амамуут аҕаататка, иви:

— Микин ҕонэк таюг'эдьив'нав' в'аьмй-

Та Ньувитынпыав пела тоҕе:

— Сисисьын. — говорит. — Сисисьэлэуи,
Сисисьэлэуи съест все же меня.

Сисисьэлэуи:

— Ты же для съедения и предназначена. Вот
Ньувитынпыав по моим внутренностям
попутешествуешь.

Ох, прямо прется, тоже когда-то она в
эдинх одеждах была... на ремень
украшения поставила Ньувитынпыав.
Этот, как же его, Сисисьэлэуи очень про-
тивный ее хочет съесть.

А эта Икляв'эуи,
ой-ой-ой, мужчины там все время подар-
ки хотят сделать, Амамуут что ли, или кто
же, ну вот, забывая быстро, все подарки
Икляв'эуи отклоняет
и хотят ей подарить,
горло потому что, если кто понравится ей,
то у нее горло открывается. Икляв'эуи на-
чинают одаривать:

— Мне не зачем, горло обрывается.
Потом другой мужчина, кто же, Каёйлыкэт
принесит ей шею:

— Вот, Икляв'эуи, тебе свататься на тебе
желает Икля. — Икляв'эуи потому что ма-
стерина.

— Вот, Икляв'эуи, тебе.

— Мне не надо, пуше прежнего горло обры-
вается.

Кто же потом пришел,
как же его, Амамуут, потому что у него
сильно звонкий голос. Оказывается деревья
на морозе мерзнут, низко к земле стелются.
Амамуут поет, говорит:

— Чьи же там застал на обрыве реки эти са-

ыңэрэйлюока, аҕав'эйсьоткав'эннок.

Каттут'эяткэн Амамбут. Эңиин
Икляжав'этэнак никанын, гему лаунын,
г'иллон тэлянын:

– В'айина бакмитгона гэнэкэү, – тэпэнын.

Эңиин Икляжав'эт:

– Пилгон в'анбаратэткана, пилгон в'анбаратэж.

Ника иттэлгэн, тынга ана гаг'алаюлын. Цанын иви:

– Иттэлгог'алайтауын нэмэлавигома, иткэ-э нэмэлавигома.

Икляжав'эт бун бэсин таһин ана г'алафэля-эү, бик мэри мимыльыһу бэж ганмалын. Итгыллог'алыһу мэлвэл...

– Иттэлгог'алайтауын нэмэлавигом, иткэ-э нэмэлавигом, пилгон в'анбаратэткан. – бу саҕ мэри пилгон сэвиутатэткан.

мые.

Громко, звучно пост Амамбут. Ей, Икляжавыт, понравился, шею принес:

– Вот возьми себе, – одела.

Эта Икляжавыт:

– Горло открывается, горло открылось.

Надо же эта крылатка испражнилась. Вот говорит:

– Умею танцевать для испражнившейся крылатки, мастерица танцевать.

Икляжавыт ведь для испражнившихся, потому что большую нерпу добыли. Для испражнившейся крылатки танцюю...

– Умею танцевать для испражнившейся крылатки, мастерица танцевать. – иногда потому что горло обрывается.

Вера в свою землю

Е.К. Апполон, жительница с.Оссора Карагинского района

Апполон Елена Кондратьевна

Подготовка к путешествию к карагинским оленеводам для записи обряда оленных коряков «Мги'ангт» началась со звонка из Камчатского центра народного творчества в сентябре 2014 года. Руководитель отдела сохранения нематериального культурного наследия Мария Беляева очень скрупулезно планировала весь процесс поездки. Ведь цель экспедиции увековечивание в записи на видеокамеру обрядового действия, для дальнейшего внесения в реестр мирового нематериального культурного наследия. На Камчатке нигде более не проводится такой обряд, посвященный хозяину тундры – оленю.

Из села Тымлат выехали декабрьским студёным ранним утром. Каваль-

када из десяти буранов, руководимой старейшим оленеводом карагинской тундры Нинвитом Юрием Михайловичем, тронулась груженная продуктами питания для кочевников.

Основной целью Ю.М.Нинвита было провести убор оленей, и попутно дал согласие провести праздник «Мги'ангт». Протяженность дороги из с.Тымлат до реки Ткаправая составляет 150 км. Без каких либо приключений прошли старые поселения: Кичигу, РКЗ-72, конечно снега было мало-ваго.

Много у нас будет легенд, сложенных древними народами. Главными героями выступают богатыри, добрые женщины, красивые девушки, которые олицетворяют голубые озера, быстрые реки, горные хребты и др. Что касается реки Кичиги - стародавнее название Хоранмыткуны (Кичиги по С.П.Крашенинникову). В XIX веке через коряжское селение Кичигу пролегал почтовый тракт от Нижнекамчатска на Гижигу. В двух милях к югу от устья Кичиги в 30-е годы была построена рыбная база №3 Кичигинского Акционерного Камчатского общества.

Перейдя реку Кичигу, Белую в двух километрах от устья проходим через РКЗ-72, до перестройки рыбоконсервный завод, сегодня это частное предприятие.

Кичига - это самая длинная река в здешних местах. Длина у нее около 70 километров. Как ее только не склоняют, на каких только диалектах не произносят: Ксгиваям, Кчгйиваям, Кичига и т.д. А между тем, есть удивительно красивая легенда, о любви и супружеской верности.

Жил некогда здесь коряк, он был очень трудолюбив. Имел небольшое стадо оленей, помимо пастьбы занимался охотой. По закону мест он приходил на помощь нуждающимся, не прося за это никакой платы.

дей, горных баранов, лисиц, ловили рыбу, однако больше любили охотиться за морским зверем. Но добывали столько, сколько надо, остальных зверей не прасали, берегли. Они были гостеприимными, всем помогали, особенно колючим корякам, которым нужен был жир и шкура морского зверя. А коряки взамен привозили оленье мясо. И было хорошо и тем и другим. Однако время было неспокойное. Часто враждовали коряки с пришлыми чукчами, да и сами коряки между собой. Тогда были худые люди, которые грабили и даже убивали охотников и оленеводов.

Амка был сильный и храбрый, однако знал, что и его могут убить, если он не будет иметь доброй защиты от стрел, от ударов копьем или топором. Тогда шил он себе одежду и обувь из двойной толстой шкуры моржа, а между шкурами насыпал песок с клеем. В такой одежде ему были не страшны ни быстрые стрелы, ни острые копы, ни тяжелые топоры. Было у него копь из бального моржового клыка и громадный каменный топор.

Прослышав об удачливых братьях-охотниках одно худое колючее племя чукчей и решило напасть на них, отобрать добро. Плыть на остров Кьютуну, где было стойбище братьев, чукчи поехали. Напали они на них речке Вироваям (красная рыба), где братья рыбачили, добывали салу хорошую красную рыбу.

Амка заставил брата спрятаться в траве, чтобы его не убили, а потом ползти к берегу моря и пробраться на остров, предупредить об опасности. А сам остался один, надеясь на свою силу. Чукчей было много, и они пустились в него тучу стрел. Но стрелы отскакивали или ломались. Амка потихоньку отступал к острову, где у него был большой каменный топор с длинной ручкой. Не страшны были ему чукчи с их оружием, но он боялся темноты, в темноте он плохо видел, совсем был как слепой. Добрался Амка до камней, что соединяют остров с берегом во время отлива,

но наступил вечер, и глаза его перестали видеть. Ему хотелось спасти свое племя, и он много раз кричал брату: «Пиникат, брат! Вспыхни огнем, освети мне дорогу, я спасу вас всех, перебыю нехороших чукчей!» Но Пиникат был далеко и не услышал его. Тогда он стал сражаться и перебил много чукчей своим топором. Однако чукчи поняли, что он плохо видит, и бросились на него всей урьюбой. В этой последней схватке Амка узрел ничего не видел. И все-таки он убил еще несколько чукчей, сколько назвать на двух руках.

Амку убили копьем. Копье попало под мышку правой руки, где одежда вытерлась и не могла защитить тело. А вытерлась потому, что он целый день бился с врагами и махал правой рукой. Когда Амку убили, возжак чукчей приказал положить его на оленях ахастыно шкуру. И тут все увидели, какой большой и сильный был корякский богатырь. Тогда подумали чукчи: «Что, если его брат и все его родичи такие же? Шибко худо нам будет». И заболели они идти на остров. Тут начался морской прилив, все камни и берег, где сражался Амка с врагами, ушли под воду. А в отлив море унесло и богатыря Амку.

Пиникат еще долго жил на острове. Он каждый вечер разжигал большой костер, освещая дорожку к стойбищу. До самой смерти он ждал брата, не верил, что его убили. Думал Пиникат, что Амка где-то далеко в тумане гонит нехороших людей и вот-вот вернется домой» [1]. Вот такую легенду рассказал В.С.Шаталов Павел Чечулин – уроженец Кичиги.

Перевалив через Вировский перевал мы увидели впадение на истоках Валоваяма – Гвалвама (каменная река) причудливый горный массив. Это Ктымтынь, женщина, несущая ребенка. О горе Ктымтынь существует много версий легенд. Но наиболее близкое к пониманию молодого поколения - это интерпретация легенды, записанная Василием Степановичем Шаталовым в 1936 году из уст жителей этих

мест Данилы и Трофима Уваровских: «Основатели нашего рода звали Чагор. Но его имени раньше все долина Анапки называлась Чагорской дол. Это был сильный духом и телом человек, ему всегда во всем была удача. Он имел много оленей. В те времена олень давал нашему народу все необходимое для жизни: жилище-ярангу, одежду, обувь, еду. Наши предки с другим оленем не знали холода, голода, болезни. Тогда все жили в совершенной вольности, не было никаких начальников, не было законов, и все жили в мире и согласии. Но строго соблюдали обычаи, установленные народом, давно умерших стариков...»

И вот однажды зимой, с севера, где течет большая река Пенжсина, в стойбище пришли совсем незнакомые люди, разговора которых никто не знал. Эти люди тоже были в меховых одеждах, имели много лука, стрел, копий, но у них не было оленей, они пришли с собаками. По обычаю наш народ принял их как гостей.... Много дней продолжался праздник. Когда гости собрались уходить в свои края, то в один дружок Чагор отдал им самую хорошую олеванку, а гости подарил ему в жены красавицу Ктептынь. Чтобы гости легко добрались до своих мест, Чагор дал им много оленей, нарты, а для защиты от холода и пурги несколько яранг-юрт. Они меховых оленьих яранг не имели, а делали себе юрты из снега...

Ктептынь была самой красивой женщиной, и Чагор любил ее больше других своих жен... Ктептынь была первой поименницей и советчицей Чагора. Ее все любили и уважали и тоже стали почитать как родноначальницу. Ктептынь родила Чагору много сыновей и дочерей, которые были достойны своих родителей. По обычаю, на время родов Ктептынь ставила отдельную ярангу на склоне той горы, которую мы видели. Там она жила до тех пор, пока не окрепнет ребенок. А это длилось от луны до новой луны. В это время никто не смел приходить к ней. В стойбище она

возвращалась пешком одна с ребенком, и только ночью, когда все спали...

Чагор был на много лет старшей жены. Когда он поумствовал, что скоро умрет, попросил похоронить его на склоне горы, где стаивши для Клетьянь ярангу на время родов. Клетьянь выполнила просьбу и похоронила мужа с почестями. Был сложен большой костер (по нашему обычаю мертвых сжигают на костре), много забито жирных оленей, еще больше подарено во все ближайшие стойбища...

Крепка была духом Клетьянь, но тоска о любимом год от года подтачивала ее здоровье. Она быстро стала стареть и слабеть. Чтобы не быть обузой для других, решила умереть. По обычаю народа, откуда она была родом, каждый сам выбирает себе смерть. Клетьянь решила умереть от голода на месте, где родила детей и где были сделаны похороны мужа.

Она попросила сложить из снега маленькую ярангу-юрту, одеть себя в самую старую курянку и торбаса, взять лишь вытертую шкуру на постель, и ответить ее в смертную ярангу, где оставить без еды, а вход заложить снегом.

Оставшая одна, она наказала старшему сыну приехать через столько дней, сколько палыцев на руке, вырезать ножом на верху яранги отверстие, для того, чтобы ее смерть могла свободно выйти. Еще через столько же дней созвать на ее похороны все стойбище, но чтобы все ехали по одному следу. Потом снеговую ярангу вместе с ее телом завалить камнями, а около яранги оставить двух чисто белых оленей, нарты с упряжкой, новую одежду и обувь для нее, посуду для приготовления еды, чаю, любимый бубен Чагора. Она должна дозвать мужа, а это можно сделать только на резах белых оленей, которых не видно на снегу. Как только Чагор услышит звук бубна, сразу вспомнит о ней.

Когда будет совершен поминальный обряд, пусть все тем же следом возвращаются в стойбище, а старший сын должен

идти пешком и все время замечать след, чтобы смерть, убившая ее, не нашла дорогу в стойбище и не убила родичей. Вернувшись в стойбище, все должны немедленно сжаться и перекопать как можно дальше за две-три горы, и до следующей зимы никто не должен вспоминать и говорить о ней. Смерть потеряет их след, и они будут жить спокойно. Когда пройдет год, они могут приехать сюда, она будет их ждать...

Желания и совет Клетьянь выполнили, она была похоронена как просили... Большие всех горевал о ней любимый внук. Последние годы жизни Клетьянь все свое свободное время отдавала ему... И вот однажды, когда нарождается новая луна, были очень темные ночи, любимец Клетьянь исчез. Его все искали по всем стойбищам, но не нашли. Мать его так сильно горевала, что нарушила наказ Клетьянь и стала просить поискать сына там, где похоронена бабушка.

Но, как только было произнесено ее имя, поднялась страшная пурга, которая бушевала много дней. И даже когда пурга стихла, гора, где была похоронена Клетьянь, до самой весны оставалась невидимой... Только весной, когда растаяли снега, на месте, где была похоронена Клетьянь, люди увидели эту гору и поняли, что это и есть Клетьянь со своим любимым внуком.

Как говорили давно умершие старушки, когда Клетьянь расчешает свою косу и ее волосы тянутся в сторону моря, к устью реки Анапки, то по Чагорскому долу зимой ехать очень опасно: падают олени, замерзает люди и собачки. Но вот летом говорить о ней можно, всегда бывает лучше погода, меньше камара, прохладнее [1]. Вот такую эпическую поэму, в которой отражается не только быт, нравы и обычай народа, но и своеобразная поэтичность, лиричность устного творчества, особенность мироощущения народа записал Василий Степанович Шаталов в 1936 году, скажем так из первых уст.

А вот что пишет не менее популярный исследователь и знаток Камчатки Анатолий Николаевич Сметанин об этой горе в своей книге «Природа Камчатки»: «Со стороны Берингова моря на берегах Кичишинского залива между Тымлатом и Анапкой выделяется причудливой громадой горный массив. По легенде, это — окаяменная женщина, спокойно спящая на спине. Слово после трудной работы ее уставшее тело приняло такую позу. Нижние отроги массива — это чуть раскнутые ноги, слегка согнутые в коленях. Два мощных буристых всхолмления украшают грудь. Скалистое 20-метровое возвышение, где водружили геологический знак, похоже на тулок животного. Летний ветерок даже в солнечный летний день овеивает приятной прохладой это отходящее громадное каменное тело. Чудится, что вот-вот зашевелился и встанет во весь свой рост эта гигантская женщина, окинет удивленным взором новую Камчатку, не такую, какой она была в древние эпохи, когда дрожала земля, образовывались новые хребты и горы, на поверхность изливались лавовые потоки раскаленных андезитов и базальтов. Тогда была жизнь, живая жизнь гор. Но земные силы постепенно иссякли и успокоились горы, вулканизм переместился в новые районы на юго-восток Камчатки. С тех пор и забывается в глубокую нию каменная корочка.

Но она жива. Живы эти горы, они снова могут заговорить своим мощным подземным гулом. Так было уже не раз в этих краях за прошедшую длинную вереницу миллионов лет кайнозоя. Вечна и бесконечна их природа, поэтому всегда молода Камчатка» [2].

Это еще одна из версий возникновения горы, к которой экспедиция поехала ближе ко второй половине дня 11 декабря 2014 года. На междуречье Валамова остановились почивать. Мгновенно, как по волшебству был разожжен костер, над которым подвешены уже чайники. В первую очередь был проведен ритуал жертвоприношения

каменной женщине. Кстати в нынешнее время, первая версия, рассказанная Шаталову Уваровскими, живет и поныне. В огонь кидается совершенно небольшие порции пищи, в буквальном смысле символические крошки хлеба, кусочки мяса, щепотки чая и др. Огонь по нашим понятиям является посредником между человеком и сверхъестественными силами.

Напротив Ктымтынь к западу находится высокое возвышение Срединного хребта так называемый Полковник. По преданиям во время гражданской войны здесь был убит белогвардейский полковник. С юга колчакские остатки воинства сходили на собачьих упряжках. Каоры-коряки, зная местность, как свои пальцы, договорились пустить под гору упряжки, где сидели белые офицеры. Сзади них был и полковник. Северо-восточная сторона горы очень крутая. Так вот каоры, подехав к этому месту, прыгнули с нарт, а нарты с собачками стремительно ушли под откос горы. С тех пор это сопка называется Полковник.

Уж больно короткие дни в декабре. Пройдя еще километров 30 до реки Нустой, до устья реки Пилона световой день в буквальном смысле закончился. Стало быстро темнеть. На устьях Пилона находится также считаемое место, когда-то здесь жил дедушка Пль'уан. Но так как обряды проводятся обычно в утреннее время, мы обязались почтить это место деду (Анпу) на обратном пути. До конечного пункта осталось 25 км.

Попав в наледь на речке, поезд из буранов потратил более двух часов, чтобы выбраться из воложного «леса». В темноте пришлось до базы оленеводов на Ткаправам, уставшие и все же довольные, что не пришлось чечнать под открытым небом. Два дня мела низовая поземка. Табушники-настухи должны были подняться, но из-за непогоды пришлось отложить прибытие. Наконец распогодилось. Началась подготовка к началу праздника.

Праздник «Мги'ангт» у оленеводов яв-

Гостеприимные хозяева Нинвит Юрий Михайлович и Нинвит Любовь Ильичична

ляется главным обрядовым праздником годового цикла. Основная цель «Мги аңт» — отдать дань уважения хозяину тундры оленей, поклониться хозяину, чтобы обеспечить сохранность и упитанность оленей. В данном случае хозяином оленей выступаст семейная святыня — прибор для получения огня (мегыи).

Рано утром пастухи прибыли с оленями. Жители рыбалки надели праздничную одежду: кухлянки, торбазы, малахаи, головнушки, красивые камлейки. Навстречу стаду вышли хозяин Юрий Михайлович Нинвит, хозяйка Любовь Ильичична Нинвит, родственники, оссорчане, тымлагчане, маленький мальчик Рома Маньгын, наш оператор из Камчатского центра народного творчества Наталья Воробьева.

Олень, принесенный в жертву, упал на правый бок. Есть поверье, заколотый олень, падающий на правую сторону, говорит о том, что у хозяина оленей есть жизненные силы, и он будет жить. А если на левый

бок падает олень, то есть опасения, что эти силы могут покинуть хозяина.

Далее провели обряд очищения оленей. Для добывания огня использовали прибор деревянный. Разожгли огромный костер на улице, сварили оленье мясо. Л.И.Нинвит всем участникам раздала кусочки толкуши, чтобы накормили огонь этой пищей. Подробно весь процесс записан на видеокамеру, хотя у нас принято, что все, что делается в таких случаях не для рекламы, не для потехи. Ведь в связь человека с природой надо свято верить. В противном случае весь смысл деяния просто теряется. В течение года я собирала информацию по этому празднику. Опрошено было 50 информантов, носителей традиционной культуры. В программу праздника входят проведения спортивных мероприятий: гонки на оленьих упряжках, национальная борьба, метание чаута, прыжки через нарты, конкурсы: разжигание костра, красивой одежды и др.

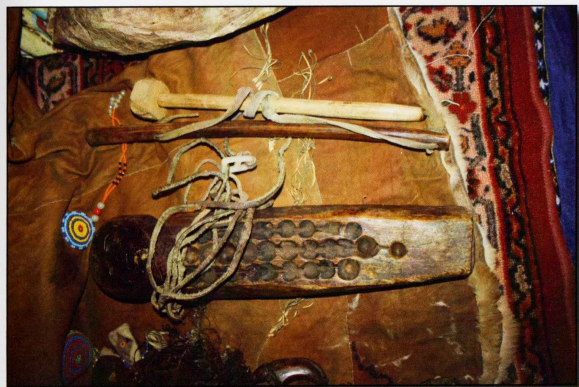
Табуи на рассвете

Подготовка к гонкам

Гонки на оленьих упряжках

Оленья доска

Орнаменты

Гонки на оленьих упряжках - это захватывающее зрелище, которое надо только видеть. Каждый участник заранее готовит оленей к спортивным бегам, на что уходит много времени.

Пока идут гонки на оленьих упряжках, в жилище вносят голову ритуально убитого оленя с рогами, шкурой и огнивной доской уложили на северо-восточной стороне. Оленеводы и гости играли в бубны, пели песни, посвященные оленю, принесенному в жертву. Все участники «Мги'ангт» продолжали насыщаться праздничной национальной пищей: толкушкой, сделанной Любовь Нинвит, Софьей Айтгиткан, котлетами из оленьего мяса, рыбными салатами, козлой, вареной рыбой: хариус, навага, различные супы, каши, морсы из ягод. Все это приготовили повара Валерия Маньгина, Юдия Нинвит, Галина Тьялхут, Людмила Катавинина.

Через три часа провели обряд провода жертвенного оленя в мир, где живет владе-

лец и Хозяин всех оленей. На этом празднике закончился. Все легли спать, так как, рано утром предстояла нелегкая дорога домой.

На обратном пути, пройдя поутру, в темноте, 25 км до Пиллона остановились, провести обряд у Аппы (Деда). Положив у кого что было принесено на этот случай (патроны, бисер, сигареты со спичками), потанцевав, пожелали здоровья Аппе, поприветвав того же самого себе, домочадцам, мы отправились в путь.

А еще я заметила, что во время путешествия, ритуалы проводят все независимо от национальной принадлежности, это порадовало меня.

Вернувшись из путешествия в Оссору, порывшись в старых публикациях газеты «Народовластие» нашла статью А.Макеева (в 1993 году заведовал кабинетом краеведения окружного института усовершенствования учителей) в которой он писал о том, что стремительно быстро уходят из

Баласын

жизни респонденты, знающие свой край досконально. С их уходом безвозвратно уходят мифы, легенды о каждом ручейке, озере и даже отдельном камне. Эти легенды лучшая память о многовековой истории, культуре. Здесь же в газете он опубликовал историческую легенду, записанную известным ученым краеведом Камчатки 20-30-х годов Новограбленовым о «Скале воинов под Оссорой», она была опубликована в альманахе «Советская Камчатка» (приложение к газете «Полярная звезда», Петропавловск-Камчатский, 1930 г., с 24).

Вот, что он пишет. Привожу дословно: «До недавнего времени наши официальные учебники писали лишь о том, как охранное население радостно приветствовало русских первоотходцев, воспринимая и перенимая передовые технологии, способы хозяйствования, культуру пришлых мельничан. Между тем русские казаки (кстати, сорьи-головы, часто разбойники, которым нередко в родных краях не было места, из-

гой, не случайно оказавшись на краю земли) встретили сильное сопротивление со стороны коряков и чукчей. Пожалеуй, лишь ительмены фактически не сопротивлялись, а быстро подружилось и ассимилировались с русскими казаками, но зато вскоре потеряли свою самобытность, стали камчадалами.

Воинственные же коряки прекратили до того постоянные междоусобные войны и стали сражаться с «огненными» пришельцами. Убедившись в невозможности стрелами остановить вооруженных огнестрельным оружием русских, они стали строить крепости и там укрываться. Кстати археологам, краеведам еще предстоит счастливые находки таких былых крепостей.

«Устные предания до сих пор говорят об одной страшной борьбе, а развалины укрепленных мест свидетельствуют о кровавом шествии казаков на юг, к собольи и морскому бобру» - заметил по этому поводу

Корякские вешала - помосты для сушки рыбы

Новограбленов.

Дальше пусть говорит история красивой легендой, опубликованной краеведом: «К северу от бухты Карага в Оссоре, в конце косы находится «Скала воинов» Паюдена. К самому берегу моря подошли высокие скалы. Передняя скала высотой в семьдесят метров гордо выстает над побережьем. На ее вершине вождь коряков Камельханан (камбала) сделал сторожевой пост и искусно вырубил две юрты, окружив их каменными стенами.

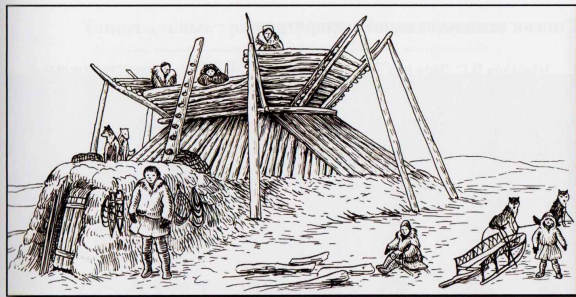
Казаки, узнав про это орлиное гнездо, решили уничтожить Камельханана. Весной их отряд осадил Паюдена. Вождь Камельханан со своими воинами и женами укрылся на вершине. Оба приступа со стороны горы Кехтем были легко отбиты. Осыпавшиеся каменными стрелами и дротиками, казаки с уроном отошли. Крепость было решено взять голодом и жаждой. Осада продолжалась долго. Наконец, когда у казаков стали кончатся продовольствия, их начальник подошел ближе к скале и закричал вверх: «Эй ты, камбала! Много ли еще у тебя осталось снега? Среди осажденных находилась красивая девушка. Она посоветовала воинам раздеть ее, положить на шкуру оленя и показать ее

белое тело. Коряки так и сделали. «Вот, собаки, смотрите, у нас снега еще много!» – хвастливо кричал Камельханан казакам, указывая когтем на белешее тело девушки. А ну, брось сюда кусок снега! Закричали ему снизу. Камельханан взял у женщины и детей последний кусок снега и кинул его к ногам врагов. Злой смех отдался эхом среди мрачных скал. В тот же день казаки ушли, бросив осаду Паюдена. Почти умиравшая от голода горсточка коряков в ту же ночь также покинула «Скалу воинов» и скрылась в горах».

Устойчивые верования у аборигенов на протяжении веков складывались под влиянием собственного бессилия перед лицом суровой, неуправляемой природы, под влиянием постоянного чувства тревоги. Весь окружающий мир в их понимании, все, что они видят вокруг, обладало «душой». И не только звери, на которых они охотились, но и горы, вулканы, море, скалы, ветер, гуляющий по безмолвной тундре и каждый предмет повседневного обихода.

И поэтому заветы предков, передаваемые из поколения в поколение, строго соблюдаются во все времена.

И все это нуждается в защите государства, через принятие нормативных право-

Зимнее жилище Инахельсон

вых актов. В общем, все это при разумном подходе к проблеме власти и народа не такая уж неразрешимая проблема. Только не ленись...

Благодарим МКУК Карагинскую межпоселенческую централизованную библиотечную систему за предоставленную информацию из библиотечного фонда, за активное участие в мероприятиях сектор по организации культуры и досуга населения администрации Карагинского района, оленеводов, Камчатский центр народного творчества.

Список использованной литературы:

1. Шаталов В.С. Заря над Камчаткой. Записи участника землеустроительной экспедиции 1936-1937гг-Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1984 -200с.
2. Сметанин.А.Н Природа Камчатки в ее прошлом и настоящем. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та,1993-320с.

Танцевальные традиции карагинских коряков

*М.Е. Бельва, замещающая отделом сохранения нематериального культурного наследия КТБС
«Балтийский центр народного творчества»*

Иосиф Жуков, народный артист РФ

Для коренных народов нематериальное культурное наследие является основным источником идентификации. Такие проявления нематериального наследия, как традиционная народная музыка, танцы, праздники, устные традиции, способы передачи прикладных умений и навыков, даже рецепты национальной кухни, не говоря уже о родном языке, очевидно, всегда будут находиться под угрозой исчезновения. Именно «неосязаемая» природа этого наследия и делает его уязвимым к изменениям.

Следует отметить, что в настоящее время самодельные коллективы, находящиеся в национальных селах, стараются сохранить танцевально-песенное творчество, характерное для каждой локальной группы коренных народов, проживающих на определенной территории полуострова, вследствие чего неплохо сохран-

ность имеет именно это направление в творчестве коренных народов Камчатки.

Карагинский район богат талантами. Эта земля подарила нам одного из первых корякских писателей Ивана Бараникова, известного поэта, писателя, фольклориста Владимира Косыгина (Коянто), народного артиста РФ Иосифа Жукова. Именно в этом районе такое созвездие национальных танцевальных коллективов: ансамбль «Энер», «Лавтэн», «Кенакетой», «Нууиу», «Агъя», «Маклап'у», «Илькив». Многие самодельные артисты из этих коллективов попали в знаменитый на весь мир Государственный академический корякский национальный ансамбль танца «Мэнго» и корякский фольклорный ансамбль «Аитг», руководителем которого является Иосиф Жуков.

Одна из задач центра народного творче-

Юная артистка

ства – это практическая и методическая помощь самодеятельным коллективам. Во время фольклорно-этнографических экспедиций мы оказываем такую помощь руководителям самодеятельных коллективов. Но, как мы говорили выше, самодеятельные коллективы в глубине представляют для нас большой интерес. Как правило, в отдаленных поселениях, при проведении обрядовых праздников именно эти ансамбли являются организаторами всех мероприятий. Участниками этих коллективов являются старейшины села и дети.

В с.Тымлат в феврале 2009 года был создан детский национальный ансамбль «Маклал'у». Руководитель коллектива – Котавина Людмила Андреевна. Название коллективу дано в честь традиционной районной гонки на собачьих упряжках «Маклал'у», что в переводе означает «путник».

В состав коллектива входят дети от 9 до 16 лет. Ансамбль принимает самое активное участие во всех мероприятиях села:

обрядовый праздник «Хололо», «Праздник первой рыбы», «День аборигена», «День рыбака», встреча участников гонки на собачьих упряжках «Маклал'у» и «Берингия», выступления в оленеводских звеньях на празднике «День оленевода».

Руководитель коллектива Людмила Андреевна занимается с детьми не только танцами, они изучают историю, быт, культуру корякского народа, учатся вышивать бисером, плести корзины из травы. На занятия часто приглашают фольклорный ансамбль «Нууу» (Иван-чай). В этом коллективе танцует старшее поколение села Тымлат. Это образец самобытного творчества народов Севера. Своим трудолюбием, заборностью они ничем не уступают молодежи.

Оба коллектива дарят свое искусство не только жителям района, но и туристам, посещающим Карагинский район на круизных лайнерах. Кроме концертной программы для гостей работает выставка-рас-

продажа изделий декоративно-прикладного искусства. Тандем этих двух коллективов дает многое, а самое главное – это преемственность поколений. В детском коллективе «Маклал'у» юные артисты поют роловые мелодии, владеют музыкальным инструментом бубном.

Большую помощь ансамблю оказывает их знаменитый земляк, народный артист РФ Иосиф Жуков. Приезжая домой, в Тымлат, он часто встречается с детьми, проводит мастер-классы, ставит новые хореографические номера.

В п.Оссора семейный фольклорный ансамбль «Агья», также завоевал своих поклонников на Камчатке. Этот коллектив неоднократно участвовал в Межрегиональном фестивале творчества коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Золотые родники» и уже завоевал любовь зрителей. В программе ансамбля есть веселые и лирические танцы, шуточные миниатюры, взятые из жизни. В этом же поселке создан детский фольклор-

ный коллектив «Илькив» (Жаворонок), художественный руководитель Елена Попова. В ансамбле детям дается возможность изучать не только корякский фольклор, но и возможность приобщиться к прикладному искусству.

Все эти коллективы самобытны, интересны для тех, кто изучает и любит национальную хореографию.

Конечно, старшее поколение всегда было хранителем традиций: фольклора, традиционных элементов материальной культуры, обычая, обрядов и т. п. А молодежь своим отношением к традициям отражает доминирующие тенденции современности. Но надо отметить, что и среди молодежи возрастает интерес к фольклорным формам культуры; это, вероятно, связано не только с попытками утверждения национального самосознания и национальной самобытности, но и с поисками новых путей наиболее полного социально-нравственного воспитания и самоутверждения личности.

